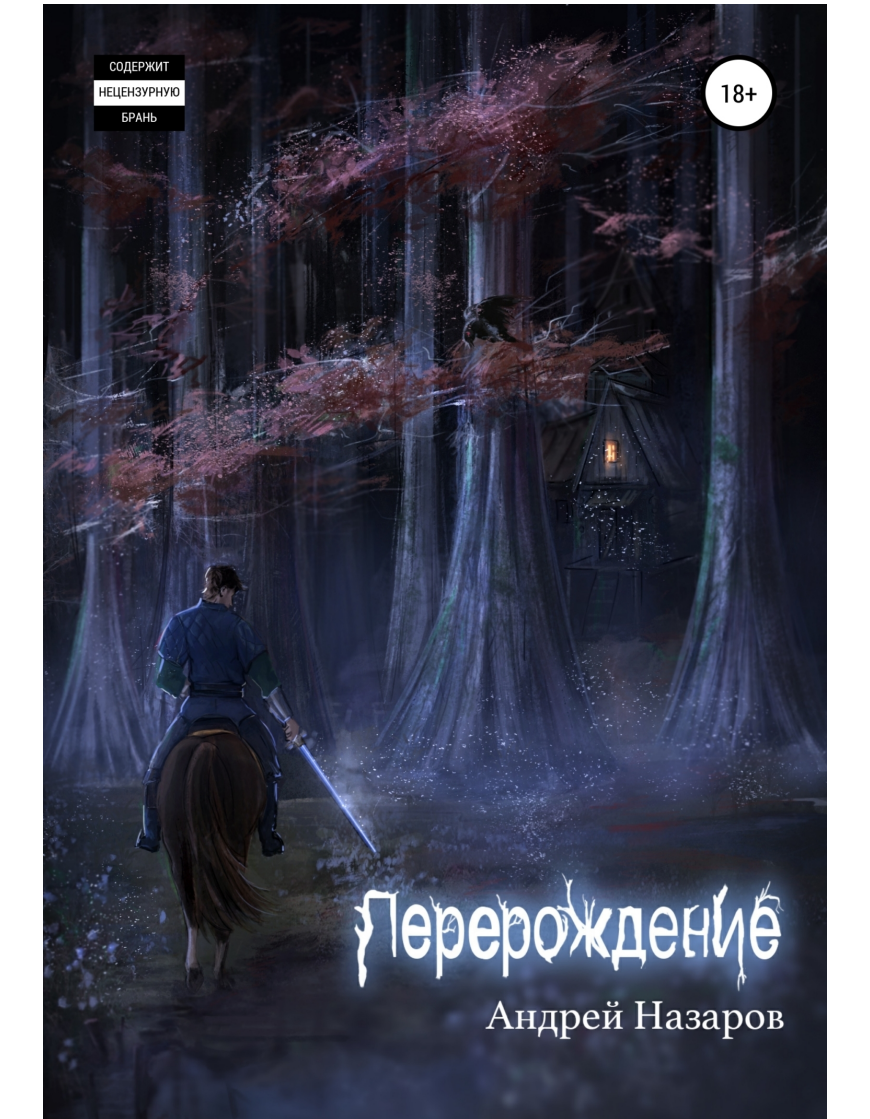


СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a forest at night. Tall, slender trees with pale bark stand in the mist. In the center, a small, illuminated tent is visible through the trees. In the foreground, a person in a blue tunic and dark pants is riding a dark horse away from the viewer, holding a sword that glows with a blue light. Red leaves or petals are falling or blowing through the air, adding a sense of movement and mystery to the scene.

Перерождение

Андрей Назаров

Андрей Сергеевич Назаров

Перерождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63454597

SelfPub; 2021

Аннотация

В этой книге представлены истории трёх героев: обычный охотник, начинающий маг и эльф-изгнанник по воле судьбы вынуждены противостоять тёмным силам, призванным воскресшим полубогом для одной цели – подчинить земли своей воле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ведуница	4
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Андрей Назаров

Перерождение

Ведуница

275 год (лето) от Союза Пяти Королевств
Республика Левэр

«Вошли без стука. Поднимаются... Раз, два... Трое. Один потяжелее. Другой слегка хромает. Первый этаж. Заходить к хозяйке не стали, пошли сразу в пролёт лестницы. Так, идут спокойно, не семяят, не смягчают шаг, чтобы их не услышали, не торопятся», – он немного выдохнул и снова откинулся на мягкой кушетке, обитой хлопковой тканью изумрудного цвета. Как только рука его потянулась к оставленной на полу книге «Искусство наведения морока» с закладкой на главе «Морок окостенения», пришлось снова сконцентрироваться на усилении чувствительности слуховых нервов. «Всё-таки ко мне», – с грустью подумал он.

Шаги троих незваных гостей уже миновали второй этаж, где жила семья сапожника и откуда доносились громкие возгласы его дочерей, играющих в прятки. Был выходной. Соседи только что проснулась и уже в третий раз пыта-

лась собраться на завтрак всем семейством.

«У того, что потяжелее, уже появилась одышка, – ухмыльнулся он. – Интересно, кто главный? Ага – значит хромой».

В дверь вежливо постучались.

– Прошу!

Ручка двери повернулась, и в комнату вошел, чуть прихрамывая, седовласый мужчина. По обеим сторонам на его небритых щеках шли глубокие борозды морщин, что придавало лицу значительность. Небольшая борода. Одет он был в гражданское – богатый кафтан с воротником-козырем, прошитый золотыми нитями. За ним вошли остальные двое и остановились чуть позади. Было видно, что это охрана. Хромой чуть поклонился.

– Доброго утра, господин Снорре, да согреет Вас свет Семиликих Богов. Моё имя Видогост Удельный. Я представляю интересы градоначальника Ларракии – благородного Торчина дэ Лилля.

Из шаткой тени большой гостиной комнаты, в которой два из трёх окон были наглухо зашторены, вышел молодой человек. Его непослушные каштановые волосы игольчатыми прядями упали на лоб, и он отбросил их кивком головы.

– Прошу, господин Видогост, присаживайтесь сюда, на стул. Только аккуратнее с этими колбочками на столе, я вот уже какую неделю вывожу кое-какой рецепт. Что Вас привело ко мне в столь ранний час?

– Торчин дэ Лилль поручил срочно отыскать Вас. Просил

простить его, что не смог зайти сам.

– Не смог так рано проснуться?

Видогост смутился.

– Нет, у него прием делегации из Айнах Ад’Дира. На восточной границе снова напряженность. Вы, наверно, в курсе. Но мы здесь не поэтому. В настоящее время нас больше волнует сильное влияние Культа на юге.

– Культ Савошских ведьм, – задумчиво произнёс молодой человек, – Что конкретно?

– Конкретнее, хмм, – Видогост закашлялся. – Извините. Конкретнее – на юге Республики участились случаи самоубийств, буйства, одержимости. Люди уходят в Савошские болота и не возвращаются. В деревнях поговаривают о том, что виной всему заговоры и козни тамошних ведьм. Приверженцы Культа, по словам наших доносчиков, получают практически любые блага: немалые деньги, женщин и даже земельные уделы. Мы пока не знаем, как точно распознать этих сектантов, но знаем, что немало из них, может оказаться, находятся на довольно высоких должностях в Республике. Сейчас ведутся наблюдения за теми князьями, которым слишком рьяно сооблаговолила удача за последние несколько лет. Те, которые высоко взлетели, если вы понимаете, о чем я. Эти сектанты приносят жертвы ведьмам и подрывают устои нашей светлой Республики.

– Что нужно ведьмам?

– Власть – как конечная цель, полагаю. Насильственное

обращение наших граждан в Савошский Култ. Это страшная... Нет, я не могу назвать это религией, господин Снорре. Говорят, они мучают людей, принося их в жертву каким-то темным силам. Они черпают силы в мучениях и страхе истязаемых, считая, что при этом высвобождается самая мощная энергия, которую может, так скажем, вырабатывать человек. Ведьмы питаются этой энергией – используют её для производства снадобий, заговоров, в общем, магии, стараясь держать бедолаг как можно дольше в живых.

Посланник замолчал. Видя, что вопросов не возникло, он продолжил.

– Масштабы бедствия велики – случаи одержимости учащаются. У Республики нет сил на организацию рейда для поиска источников этой заразы. Все силы сейчас стоят у восточных границ. Да и сложно будет гоняться за дымом – это работа для опытного волхва.

– Польщён... Значит, Вы хотите, чтобы я отправился на юг и нашел источник зла. С этим понятно.

– Вы единственный учёный волхв в ближайшей округе, который смог бы с этим справиться. С Вашим слухом и чутьём будет не сложно найти, откуда распространяются недуги и наговоры. Безусловно, мы обеспечиваем Вас провиантом и выделим в охрану людей. У нас так же имеются зацепки, где надо искать, но это Вы найдёте в письме.

Видогост вынул из небольшой кожаной сумки конверт и, привстав, протянул Снорре.

– Информация конфиденциальна. Прочтите и направьте ответ с посыльным в замок, можно голубиной почтой, если желаете.

Тон представителя власти начинал походить на наставления, не допускающие возражений, хотя Снорре ещё не согласился взяться за дело. Умеренный нажим всегда значился среди излюбленных приемов в Республике Левэр.

«С властью лучше не спорить, – думал волхв, – тем более, если она пока оплачивает моё размещение в этом прекрасном доме, и, тем более, если ещё можно подзаработать. Но про оплату говорить пока рано. Надо набить цену».

– Господин Удельный, Вы же в курсе, что тамошние топи издревле были рассадником всяческой нечисти. Культ известен всем. Да, в наши тёмные времена он распространяется быстрее, чем сто или даже пятьдесят лет назад. Но даже если мы и найдем одну ведуницу, останется еще с десятков. Как Вы планируете поступить с ними?

Видогост наклонился к Снорре и понизил голос.

– Вы не глупый человек, господин волхв. Должны понимать, что народ в столице волнуется. Вчера прошла волна протестов рядом с замком Верховного Титула. Мы должны показывать результаты. Мы считаем, что одной головы ведьмы будет достаточно, чтобы успокоить толпу. По крайней мере, для начала. Далее, если потребуется, мы привлечём армию.

Удельный выпрямился и уже обычным голосом перешел

к заключительной части.

– Пятьсот дукатов сейчас, при согласии, конечно. И пятьсот дукатов за голову ведуницы. К голове никаких особых требований нет. Сделаете дело, Совет Чернокнижников подтвердит подлинность, и деньги ваши. К тому же, как мне намекнул Торчин дэ Лилль, в письме будут описаны некоторые другие бенефиты, которые, возможно, будут для вас даже более интересны, чем просто деньги.

Он поднялся и протянул руку Снорре для рукопожатия.

– К сожалению, у нас не так много времени. Это всё, что мне было поручено передать. Очень надеемся на ваше согласие. Ответ будем ожидать в течение двух дней. Прощайте.

Они пожали руки и отдали честь знаком «Служу Республике» – перекрещенные перед грудью руки со сжатыми в кулаки кистями, которые повторяли герб Левэра, представляющий собой те же скрещенные кулаки на ярко красном щите, от которого тянутся желтые лучи солнца.

– Благодарю за предложение. Я пришлю ответ в установленный срок. Не волнуйтесь. Прощайте, – сказал Снорре Видогосту и помахал рукой охране – Пока парни! Было приятно познакомиться!

Вся троица молча вышла, и волхв снова остался один в приятной тишине и полумраке.

Снорре снова опустился на кушетку: «Мда, а поторговаться-то и не пришлось. Эко как всё быстро обставил и слова не дал вставить.»

Он зевнул и подумал, что неплохо было бы прогуляться утром по берегу реки и, возможно, даже прочесть письмо в закусочной «У Старого Ежа». Недавно хозяин выставил несколько столиков прямо у берега Дóована. Пока солнце еще не так жарит, и народ не высыпал на улицы, можно будет насладиться прекрасным утром и подумать о дальнейших планах.

Снорре не так давно перебрался в столицу Республики, и это было следствием серьёзных заслуг на поприще знахарства и ведовства. Вот уже несколько сотен лет все Пять Королевств, а многие считают, что и земли за их пределами, переживали времена, когда высокая магия почти повсеместно исчезла. Дефицит великих чародеев наблюдался везде. В Республике Левэр действительно сильных волхвов можно было посчитать по пальцам одной руки, а единственный высший маг Хафель Дир Исан, как говорят, доживал последние дни на восточной границе государства, поселившись отшельником в степях Ильгукк. Многие уже забыли, как маг умел повелевать стихиями, видеть будущее, обладал способностью разговаривать с животными, духами и на расстоянии силой мысли выправлял покосившиеся от старости дома и сараи односельчан.

Снорре же был тем избранным, кто с рождения был спосо-

бен воспринимать и направлять ману – ту сверхъестественную силу, которой наделены некоторые места, люди, звери или даже предметы. Он чувствовал их, а иногда мог использовать в своих интересах. По сравнению с другими народами пяти королевств, люди обладали, пожалуй, меньшей тягой и способностями к магии, но в то же время очень одаренные волхвы обладали одним уникальным даром, которого не было у других народов, – они умели приручать духов-покровителей своих родовых домов: домовых, дворовых, колодечников, мельничных или овинников. Это были сильные духи, обитавшие из поколения в поколение рядом с человеком и поэтому близкие ему. Одни помогали человеку по хозяйству, другие могли баловаться, озорничать и даже наказывать человека, например, за пьянство или брань. Так или иначе, при некоторых обстоятельствах духи могли служить людям. Умелые волхвы брали их себе в помощники путём всяких ухищрений и магии, но в последние десятилетия в Республике этого не случалось. По крайней мере, насколько мог знать Снорре, а Снорре был самым преуспевающим ведуном на здешних землях в области общения с «тонким» миром духов. У него не было своего духа-помощника, но он уже несколько раз был близок к тому, чтобы приручить его.

Уже сидя за столиком таверны и наблюдая как заспанная кёльнерша, спотыкаясь, несёт ему горячий омлет и три толстых, шипящих на сковороде сосиски по-ильгуккски, Снорре размышлял: «Ничего, мне только тридцать с небольшим,

а великий Нел приручил своего знаменитого колодечника в сорок пять! Еще есть время. Надо просто продолжать искать и пытаться.»

– Благодарю, – Снорре принял сковородку, украдкой поглядывая на оголенные загорелые голени подавалки.

– Осторожно, господин Снорре, очень горячо.

Волхв потянулся, подставляя лицо уже выглядывавшему из-за горизонта солнцу. Тихие волны Дóована как будто снова убаюкивали и тянули куда-то в сон. Чуть заметный ветерок игрался со шторками на окнах кабака. Город постепенно оживал: то запоем вдали петух, то из переулка послышится утренняя семейная перебранка, то звякнет посуда из окна ближайшего дома. Он в который раз подумал, что ему всегда нравилась столица Республики Левэр. Она не была такой шумной, как Твердрек – главный город Речного Народа и столица Драбанта. Ларракия была всегда немного провинциальной, но в то же время сохраняла стройность архитектурного стиля и, конечно, свой высокий культурный статус. Многими знаменитыми мастерами и искусниками высоко ценились эти невысокие, но тончайшей архитектурной отделки дома из сероватого и белёсого буррского камня, построенные ещё эльфами до третьей волны миграции. Вытянутые и заострённые кверху окна, обширные террасы на вторых этажах и знаменитые чердачные окошки – настоящие произведения искусства Экротского периода. Именно они определяли лицо здания, говорили об авторском почер-

ке зодчего. Каждый дом имел своё уникальное окошко или два, по которому можно было судить о его богатстве и по которому узнавали дом знакомых или родственников. Например, совсем рядом с таверной «У Старого Ежа» красовался жилой двухэтажный дом с круглым чердачным окошком зелёного цвета, окаймлённым удивительной рамой из огромных морских раковин, переливающихся перламутром. Дорогущие раковины со Смирного моря, а возможно не только с него, завезённые когда-то эльфами, так и играли на солнце. Этот дом много лет назад принадлежал семье известного мореплавателя. По словам старейшин города, хозяин дома переехал сюда жить уже в престарелом возрасте. Он так скучал по морю, солёным ветрам и буйным волнам, что попросил местных умельцев построить ему дом в морском стиле. Старожилы Ларракии рассказывают, как рассказывали им их деды, что бывший капитан дальнего плавания жил один, а по утрам частенько открывал оконце, высовывался на улицу и прикладывался ухом к одной из раковин послушать, как с ним говорит море. Снорре не проверял, но, опять же по слухам, раковины завезены с разных морей и звучат они все совсем по-разному. По крайней мере, так утверждает теперешний хозяин дома. Возможно, набивает цену, а может и правда.

Ну и как же при рассказе о Ларракии не сказать о климате?! Он был удивительно мягким, с недолгой, почти беснежной зимой и умеренно жарким летом. Вот и сейчас го-

род благоухал цветением гортензий и акаций. А на самом юге столицы Республики Левэр попадались даже прекрасные пальмовые рощи и банановые деревья. Многие считали здешний климат наиболее благоприятным во всех пяти королевствах.

Мокрый нос бездомного пса-попрошайки вытянул Снорре из задумчивости. Он лениво отогнал пса ногой, вынул из сумки футляр и письмо от мэра. Щёлкнул замок, и он достал из футляра очки: «Хм, любопытствуем».

Снорре захрустел конвертом, расправил его и начал читать, попеременно прикладываясь то к стакану с морсом, то к завтраку.

«Здравствуй, Снорре!

Давненько не виделись. Я слышал, после практики в Падуйской пустоши ты вернулся в столицу. Извини, так и не нашел времени забежать в гости.

Надеюсь, пребываешь в добром здравии, мой друг. Знаю, что ты не любишь долго рассусоливать, поэтому перехожу к делу.

Видогост наверняка ввёл тебя в курс самым чётким и кратким образом. Это он умеет. От себя добавлю, что эта миссия для меня лично очень важна. Верховный Титул и сенат ждут результатов. Я чувствую, как усиливается влияние Нела – главный волхв и советник уже принимает решения

за многих сенаторов. Теперь метит заполучить Ларракию в свое владение, расшатывает подо мной стул.

Снорре, ты помнишь, как я отобрал тебя из сотни одаренных сорванцов в Игмешской школе чернокнижников и как помогал тебе добиться наставничества мудрого Даливана Кобургского, да будет мягок мох на камне с его именем? Надеюсь, отплатишь добром и примешь моё предложение. Не беспокойся, монетой не обижу – даю к тому, что озвучил Видогост, ещё пятьсот дукатов за голову проклятой ведьмы.

Буду считать, что ты согласен! Дальше читай внимательно: для этой миссии, я направлю тебе трёх воинов для охраны. Двоих я подозреваю в служении Культу, и поэтому позвал их. Подозрения не сильные, но! Памятуя о твоих способностях, я подумал, что ты смог бы незаметно «прослушать» их во время пути и по их реакции определить, насколько они лояльны или же вовлечены в Культ, если, конечно, мои опасения оправданы. К тому же, наверняка это помогло бы тебе вызнать побольше о самом Культе, если расколешь предателя. Хотя, возможно, это всё мои фантазии. Понимаю, что риск для тебя имеется, дорогой друг, но пойми – мне предельно важно проверить этих людей.

Яробуд Ретивый – бывший лесоруб с западных земель Драбанта. Лет пять назад переселился в Левэр, поступил на службу. Три года отслужил на южных границах, а значит, знает те места вдоль и поперёк. Но, во-первых, докладывали, что частенько он отлучался на день-два в тамошние леса да

болота. Куда – никто не знает. А во-вторых, много жаловались о его тёмных делишках в пограничном отряде – кажется, незаконно приторговывал чем-то магического свойства. Присмотрись к нему. Возможно, он наведет тебя на след, если удастся его спровоцировать. Не мне тебя учить. С другой стороны, если он не в Культе, то будет в помощь – парень не то чтобы храбрец, но с секирой управляться умеет.

Далее – Ратко Гой. Из моей личной охраны. Лучший мой боец, но сколько в нем отваги, столько и секретов. Так и не расколол, что за птица. Что было с ним до того как поступил мне на службу, я точно и не выведал. Знаю только, что он из северо-восточной части Драбанта – с прибрежных земель Изыхской Стыни. Там жизнь людей закаляет, поверь мне. Только слышал я, что он у эльфов на службе был – на восточных границах Айнах Ад’Дира, долго Линию Несвернувшейся Крови от орков защищал. Мне очень интересно, что ты про него скажешь, когда вернешься. Представляешь, он дерётся не моргая! Вокруг бой, кровь рекой, а он как заговорённый и ни разу не моргнет! И тоже, как Яробуд, уходит – пропадает, только не на дни, а на недели. Потом, говорят, отсыпается, похудевший, измотанный, у себя в халупе, в пригороде Ларракии. Я, конечно, прощаю. Мне такого второго воина не сыскать, но сейчас он нужнее тебе. Последи за ним. Я ощущаю в нём... что-то нечеловеческое.

В последний момент попросился идти с тобой рыцарь самого Верховного Титула – Драган Болеславович. Много о

нём не знаю. Это может быть как шпион Верховного, так и просто аристократишка, который захотел славу на язык по-пробовать, да перед девками потом хвостом крутить. Слышал, он парень молодой, честный, прямой, не идиот.

Последнее: отправляйся по южному тракту напрямик до Медовых Зориц. Мои гонцы говорят, что деревня наполовину опустела. Через неё из Савошских топей идёт сейчас больше всего умалишенных – одержимых, значит. Некоторые становятся чуть ли не людоедами от этого страшного недуга. В общем, большинство дикого люда прёт из тех мест на юге – юго-востоке нашего прекрасного королевства. Твоя задача – найти эту ведьму, что поселилась у болот к югу от Медовых Зориц и выведать у неё побольше о Культе и их планах, прежде чем выпустишь ей кишки.

Остановишься у мельника, на краю деревни. Зовут Гуно Манчак. Парни подъедут туда через два-три дня, как только я получу от тебя весточку о согласии. Сам выезжай на следующий день, как вышлешь мне письмо с ответом. С мельником я договорился и уже оплатил твой ночлег на неделю. И самое интересное. На мельнице, по слухам, обитает очень сильный дух – мельничный. Тебе будет интересно!

Бывай, Снорре! Удачи!

Торчин дэ Лилль

Градоначальник г. Ларракия »

Снорре сложил конверт и вытянул руку с бумагой за перила, огораживающие берег. Он попытался сконцентрироваться и попробовал поджечь письмо парой простеньких заклинаний, которые он так усердно заучивал в школе чернокнижников, но заклинания на огонь ему редко удавались. Бумага лишь почернела по краям, чуть-чуть обуглившись. «И почему мне даётся лучше баловство со льдом?! Чёртов огонь, видать, мне никогда не подчинить», – подумал он и легко перенаправил ману в стихию холода. Волхв быстро визуализировал тёмно-синие льды северных морей и тот холод, который таится в самых тёмных их глубинах.

Письмо мгновенно покрылось коркой инея, а потом и льда. Снорре раскрошил его в руке и бросил осколки в воду. «Видимо, сказывается зов предков, – хмыкнул он. – Недаром отец родился в холоде Бурых гор на землях гномов».

Он, конечно, уже давно решил принять предложение давнего друга Торчина. После того, как он перебрался в столицу, волхв только и занимался просьбами горожан об урожае, излечении от болезней, успехах на брачном ложе или о любовных приворотах. Ничем из этого он как не любил заниматься, так и не умел, разве что научился врачевать некоторые недуги. Основой его индивидуального обучения в Игмешской школе, в которой он провёл без малого шесть лет, были работа над обострением всех чувств, (и только с обострением зрения он не справился), психосенсорика и умение говорить с духами и существами тонкого мира, а

также работа над стихией холода и стужи. Именно эти качества, по мнению Совета Чернокнижников, были заложены в Снорре с рождения. И Снорре, действительно, был одним из немногих, кто мог бы, при некотором везении, приручить духа, а уж заморозить предмет за считанные секунды ему не составляло труда.

Итак, решено! Попрощавшись с кельнершей и оставив ей на чай полдуката, он легко зашагал в сторону дома готовиться к скорому отъезду.

Солнце стояло в зените, что для путника южного Левэра почти всегда было в тягость. Холмистые долины постепенно начали сменяться полями, засеянными пшеницей и кукурузой. Иногда навстречу шла повозка или небольшая группа рабочих. Они искоса посматривали на незнакомца в тёмно-синем лёгком льняном кафтане. И хотя путник приветливо улыбался, большинство крестьян, утомленные работой в жаркий полуденный день, в ответ только щурились от солнца и тихо между собой переговаривались.

Всадник не торопясь подъехал к женщинам и, чуть нагнувшись с коня, произнес: «Богатого урожая! Не подскажите путнику, где мне сыскать хозяина здешней мельницы — Гуно Манчака?»

Женщины, прикрывая глаза ладонью от ярких лучей, с интересом смотрели на путника. «Холеный. Явно из столи-

цы”, — думали они.

— И вам здрасьте, господин. Водязый-то наш? Как не знать Гуно. Он на самой окраине Зориц живет в доме. К самой мельнице пристроен дом-то. Да там его и сыщите, господин, не потеряетесь. Отседова до конца поля доскачете, потом налево и по тропинке до забора красного. Оттуда уж и шум — водица шумит, услыхать можно. Там мельница, значит, на берегу Бравки.

— Спасибо, барышни, — всадник тряхнул каштановой шевелюрой и так же не спеша поскакал в сторону, куда указывали работницы.

Спустя пятнадцать минут он и вправду услышал шум реки и работающей вдали водяной мельницы. Основное деревянное здание мельницы возвышалось в два этажа. К нему был пристроен небольшой бревенчатый жилой дом мельника с одной стороны и просторный крытый сарай на сваях, в котором размещались возы и лошади помольцев, с другой. Вокруг густо рос ивняк и ольха, бросая на часть постройки приятную тень.

Мельница стояла у самого порога реки. До порога Бравка текла размеренно, а после уже начинала петлять, завихряясь на поворотах и белея барашками на обтёсанных временем валунах.

Дверь открыли почти сразу.

— Доброго дня, хозяин! Меня зовут Снорре. Вам должно было прийти письмо от достопочтенного Торчина дэ Лилля

о моем прибытии и о приезде еще троих моих спутников.

Мельник улыбнулся и впустил внутрь.

– Здравствуйте, господин волхв. Конечно-конечно. Входите. Я уж всё подготовил. Вам постелил на втором этаже мельницы. Место тёплое, чистое, не беспокойтесь. Остальным в сарае на чердаке. Меня зовут Гуно Манчак.

Гуно оказался высоченным широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Гордой прямой осанкой, седыми коротко стриженными волосами и бородой он явно должен был выделяться из общей массы местных селян. Чуть горбатый нос и крупные, пропорциональные черты лица придавали ему вид близкий к старцам-друидам, о которых рассказывала Снорре в детстве его бабка. Но все же он не был щупловат и костляв как все уважающие себя старцы, а наоборот, видно было, что мельник силен и здоров. Широкие плечи его еле входили в дверной проём приземистой хаты.

– Вы наверно проголодались с дороги. А я вас ждал. Уже и рыбку пожарил с лепёшками. Там умывальник, а если в уборную, то из хаты и направо.

Снорре, действительно, слишком устал от многочасового пути и поэтому решил не тревожить Гуно долгими расспросами. Они спокойно перекусили почти в молчании. Видно было, что мельник немного смущается столичного гостя, да ещё и настоящего ученого волхва, к которым люди всегда относились с особым уважением, если вообще доводилось их видеть. Гуно с любопытством посматривал на улыбчиво-

го молодого человека и даже немного с недоверием подмечал его простые привычки собирать по тарелке коркой хлеба остатки рыбьего жира или чертыхаться, когда он чуть не подавился костью. «Эко, совсем как наш», — думал он.

Снорре объяснил хозяину, что ему придется остаться максимум на три ночи. Завтра или послезавтра должны подъехать его спутники, а на четвертую ночь он никого уже ждать не будет. Дело не терпело отлагательств. Торчин торопил.

Оставшиеся полдня Снорре гулял по деревне, стараясь подметить всё, что могло выбиться за рамки обыденной сельской жизни. Под вечер он вернулся ни с чем, но в хорошем настроении. Деревня жила своими заботами, и вид пасущихся коров, кудахтающих кур и бегающих за ними ребятшек был как-то по-особенному приятен. Тем не менее, часть домов пустовала, как будто их совсем недавно покинули. Особенно бросалось в глаза, как заросли травой и сорняками сады вокруг покинутых изб.

Постепенно вечерело. Снорре и Гуно уже немного освоились, попривыкли друг к другу и быстро перешли на ты. После ужина они взяли по дымящейся чашке с мятой и вышли из хаты. Дойдя до того места, где река с порога шумно обрывалась вниз метра на полтора, они присели на деревянный настил и свесили ноги над речным потоком.

— Так что с вашей деревней не так, Гуно? Не вижу особых бедствий.

– Да как тут увидишь? Жизнь-то продолжается. Не будешь же плакать по пропавшим-то днями напролёт... А призадуматься есть над чем.

– Над чем же?

– Ну как. Да, считай, пол деревни сгинули. Девки многие пропали. Мужики работающие были, а сейчас кто пропал, а кто и одичал совсем. Ведьмины всё происки, говорю тебе. Одни уже служат им, приносят щедрые жертвы, уходят в болота. Другие, кто победнее, «сокх» пьют. Слышал о таком, небось.

– Слышал. – помрачнел Снорре, – В Ларракии эта дрянь быстро распространяется.

По большому счёту именно сокх был главной причиной столь пристального внимания к ведьмам и Культы со стороны верхушки Республики. Это был напиток, похожий на малиновый морс с нотками тины и он был наркотиком. По слухам эссенция была получена несколько лет назад из уникальных водорослей, которые растут только на дне Великого озера Тáйдушо, что на южной окраине Савошских Топей. Люди, принимавшие его, обычно проходили три этапа: в первые месяцы регулярных приёмов сокха человек испытывал необыкновенное чувство единения с окружающим миром, обострялись все чувства, наступала эйфория по малейшему незначительному поводу, человек влюблялся в жизнь заново; затем, на втором этапе, наступала пора возмездия – человек впадал в апатичное состояние, многие уходили в полную де-

прессию и отрешение от мирской жизни, другие доходили до крайне агрессивных состояний. На третьей стадии у людей начинали появляться признаки необратимости процесса – тёмные с синеватым оттенком выделения. Люди начинали харкать ими, жижица могла течь из ушей или носа. С появлением этих признаков становилось ясно, что подсевшего на сокх уже не спасти. Вскоре человек пропадал. Он просто уходил и больше не возвращался домой. Многие видели, как вконец потерявшие человеческий облик несчастные бродили, бормоча что-то себе под нос, будто бы ведомые какой-то силой. Кто они? Из какого города или деревни? Понять по их виду уже было невозможно. А подойти и спросить – страшно. Но большинство пропадали полностью. Сокх появился на юге Республики около пяти лет назад и начал распространяться приверженцами Культа савошских ведьм. Можно было догадаться, что зелье было одним из способов заработать большие деньги, но Снорре понимал, что за этим стоит что-то более значительное. Особенно непонятно было, куда деваются пропавшие, ведь трупов почти никогда не находят. Лишь немногие возвращались из лесов и болот – бесноватые, одержимые, голодные, вплоть до людоедства, но в большинстве случаев тяжело больных не находили нигде.

– А знаешь, как сокх действует на эльфов? – сощурился Гуно, надеясь хоть чем-то удивить Снорре.

Волхв отрицательно помотал головой.

– Моментально! – заключил мельник. – Они слишком,

как это, чувствительны что-ли. Короче, никакого иммунитета против этой заразы. Мы тут с Ливеллией не то чтобы бок о бок, но недалеко – много слышим. Говорят, сокх и там по деревням ходит. Куда только смотрят их маги-теурги?

– Не знал. А на бородатых не испытывали? – усмехнулся Снорре.

– Гномам хоть бы хны. Они этот сокх ещё бараниной закусят да пивом залиют.

На глубине реки под ними блеснул пятнистый бок форели и снова пропал в водорослях.

Хозяин мельницы вздохнул и долгим взглядом смотрел на закатное солнце, розовым и алым играющее с волнами Бравки. Берега медленно темнели. Тени от деревьев становились всё длиннее, пока вконец не слились с наступающей темнотой.

– С женою мы давно разошлись... Ушла из деревни. К другому. Жили с дочей. Растил её. Учил её, как хозяйство вести. Умная девка была, за помолом следила: ведь много зёрен подашь на жернова – мука крупной выйдет, мало подашь – можно и «сжечь» – перемолоть то бишь. Потом и просевом занималась. Умелая...

Снорре молчал, давая договорить мельнику. Понятно было, что дочери рядом уже нет. Волхв понимал, что конец у этой истории печальный.

– Не стало её пару годков назад. Как Культ пришёл, так сразу многих мы потеряли...

Гуно замолчал и отвернулся, а Снорре не стал расспрашивать о подробностях.

В тот вечер Снорре видел, как хозяин поднимался на небольшой холмик на берегу реки, где стояла поминальная семёрка в честь Семиликих, какие ставили в память об ушедших в другой мир. На верхней жёрдочке семёрки покачивалась уже почти выцветшая тряпичная кукла и, как показалось Снорре издалека, колты – девичьи подвески округлой формы.

Стало уже совсем темно, когда Гуно вернулся и проводил гостя на второй этаж мельницы, где была разложена низенькая кровать, специально поставленная здесь для гостей – в основном тех, кто приезжал за мукой из других деревень.

Снорре немного почитал прихваченный с собой труд Дориана Норгвильского «Об искусстве слежки» и вскоре задремал под шум журчащей воды.

Он проснулся от того, что почувствовал несильный толчок в бок. Несильный, но как оказалось, достаточный, чтобы волхв чуть не свалился с края кровати. Он успел опереться рукой о пол. По скрипучим доскам еле слышно протопали шаги, и Снорре успел обернуться, чтобы увидеть, как контур белой высокой фигуры скрылся за мельничными жерновами. И хоть шум от реки и работающих жерновов был достаточно сильный, волхв успел обострить слух, чтобы различить, куда побежал ночной гость. Больше посторонних звуков не после-

довало. Он сел на кровати, свесив ноги. Наэлектризованные волосы на руках, лёгкие покалывания в кончиках пальцев и неожиданный холод в помещении дали Снорре повод призадуматься: «Так-так. Кто это тут балуется?» Оглядевшись, чародей увидел на краю кровати и на полу мучной порошок, а пройдясь немного по просторному второму этажу, он заметил и едва намеченные следы.

«Мельничный! – Снорре удивился не столько наличию духа, сколько его силе и своим ощущениям. – Так просто выйти из тонкого мира, толкнуть меня и быстро скрыться!? Хм. Должно быть старый, очень старый и мощный дух. Наконец-то повезло!».

Молодой чародей давно не встречал действительно сильных духов и, конечно, при первой же возможности хотел снова попытаться приручить его – сделать своим духом-оберегом или духом-покровителем. В голове у Снорре лихорадочно замелькали способы вызвать и привязать духа, которыми он пользовался раньше, но все они были никуда не годны: «Так, если не получалось с более слабыми, то уж с этим точно не пройдет. Думай, Снорре, думай!!!»

Он немного походил взад-вперед. Облокотился на подоконник открытого окна, выходящего на реку и другой берег, поросший ивами. Вдохнул свежий ночной воздух. Вдали ухнула неясность. «Ладно, завтра почитаю, что про это пишет Фоки Эдвинетт. Прямо, как чувствовал, что надо было захватить пару книг по теме, – заулыбался себе Снорре и,

натягивая одеяло под подбородок, снова растянулся на кровати. – Нет, ну, а быстрый же, засранец...Ммм, надо его подкормить, что ли...» Спустя пять минут он захрапел. В дальнем тёмном углу взвилась мучная крошка, и во тьме медленно открылись зелёные, немного печальные глаза. Волосинки на руках и голове у Снорре снова начали подниматься, но он крепко спал.

– Слушай, Гуно, мне вчера ночью твой дружок совсем не по-дружески откровенного пинка отвесил.

Умытый и довольно ухмыляющийся Снорре уплетал ещё шипящую от жара яичницу. Мельник вразвалочку сидел рядом и допивал из глиняной кружки молоко, только что принесённое соседкой.

– Это что за дружок? – не понял он.

– Да мельничный твой, неужто не догадался?

Гуно помолчал. Покачал головой.

– Не думал, что так скоро выйдет. Да и зачем ему? Послушай, этот дух с нашим родом уже третье столетие. Как мой прадед построил эту мельницу, так, говорят, он сразу тут и поселился. По всему южному Левэру такого не сыскать. Да и Левэра в те времена ещё не было, а дух мой был. Вот с тех пор он нам и помогает. За порядком на мельнице следит.

– А где больше появляется?

– В омуте под мельничным колесом живет. Да зачем тебе?

Ты его не трогай, и он тебя не тронет. С гонором он. Понимаешь? Я как пьяный по молоду возвращался-то на мельницу, так он мне каверзы ещё те устраивал. Ууууй... Молоть по ночам не давал. То будто жернова заклинит, то муку раскидает, бывало и гостей пужал до обморока. Но шас всё у нас по-доброму. Помощник он.

Снорре кивнул.

– Это хорошо. Я почувствовал очень мощную энергию. Мельничный должно быть действительно с годами набрался силы. Гуно, ты же знаешь, что волхвы могут приручать духов, близких к людям. Я хочу попробовать поговорить с ним. Не могу сказать, что у меня получится, но если выйдет, он может сильно помочь мне. Помочь в борьбе с Культom. От тебя не убудет.

– Не знаю. А как это будеть-то? Не уйдёт от меня мой мельничный?

– Нет. Если получится приручить, дух-хранитель будет приходить ко мне только на время, если я его вызову, – Снорре встретил недоверчивый взгляд мельника. – Ну не буду я его вызывать, чтобы за пивом в харчевню сбегать, Гуно. Таким не злоупотребляют. Духи как бы перемещаются к своему «побратиму» и помогают в трудную минуту. Понимаешь? Тот же принцип когда гномы вызывают чуров – своих предков. Но чур может прийти один раз, а духи приходят когда позовут...Ну, пока сами не передумают. Бывает несколько раз за жизнь, а бывает, обидятся и не приходят больше. Сам

знаешь, какие они «тонкие натуры».

— Хорошо, господин волхв, — мельник ударил ладонями по коленям и встал. — Коли мой мельничный признает тебя, примет за хорошего человека, да послужить будет готов, тому и быть. Пусть он и решает.

Гуно встал и пошёл собираться на рынок. Был день, когда завозили с других деревень свежее мясо, которое жители Медовых Зориц часто выменивали на мёд и рыбу.

Снорре услышал, как уходя Гуно всё ещё бубнил себе под нос: «Надо ж чего удумали, приручать духов. Интересно, конечно...»

Весь день волхв готовился к тому, как бы выйти на контакт с духом. Он достал свежий хлеб и сало, молоко и пирожки, чтобы подкормить мельничного. А главное вычитал у известного в прошлом колдуна и заклинателя джинов Фоки Эдвинетта, что лучший способ — обвалиться с ног до головы в муке и из той же баклашки при удобном случае сыпануть мукой на духа. Так мельничный может принять человека за своего и не скроется сразу. После этого надо было, прочитав пару лёгких наговоров, постараться остановить духа, приблизиться к нему и быстро произнести короткое заклинание-просьбу быть помощником в беде, а самому взамен пообещать оказывать помощь всем мельничным хозяйствам, которые будут встречаться на пути.

«Хм, вроде всё просто», — думал Снорре. Решено было не

откладывать дело и этим же вечером осуществить задумку по всем канонам достопочтенного Фоки. Для начала Снорре набрал полное ведро муки и повесил прямо над входом на второй этаж, где располагались жернова, отверстия для засыпки зерна и его кровать. Теперь, если кто-то вошел бы внутрь, то на него сразу бы упало ведро с мукой.

Был уже вечер. Снорре крикнул мельнику из окна пожелания доброго сна и показал рукой, что, мол, все он уже подготовил и беспокоиться не надо. Сам же вернулся на свою кровать, зажег лучину, надел очки и погрузился в чтение, время от времени прислушиваясь к звукам работающей мельницы. За окном поднимался ветерок. Волхв вспомнил, что слышал ближе к полудню как лес шумел без ветра – к дождю. «Ночка похоже выдастся прохладной», – подумал он и закутался в одеяло. Первый день у мельника пролетел быстро за разговорами с хозяином, рыбалкой на реке и приятными заботами вокруг небольшого хозяйства мельника, и Снорре было немного жаль, что уезжать придётся так скоро.

«Приступим», – Снорре обсыпал себя мукой, как рекомендовалось в книге, и начал ждать. Прошел час с небольшим, как он услышал шаги. Кто-то медленно поднимался по лестнице. Снорре крадучись подошёл к двери и притаился. Он обострил чувства и ощутил еле уловимое особое движение маны, которое заставило его призадуматься. Это была не совсем человеческая аура, но как будто бы и не аура, которую источает дух. Что-то было не совсем так, но Снорре

не знал, как на это среагировать. Дверь начала открываться, и ему оставалось только наблюдать и надеяться, что способ Фоки Эдвинетта сработает.

Стоя в засаде, волхв смог заметить только высокий тёмный силуэт входящего. Когда полное ведро муки со звоном шмякнулось о голову гостя, надежда волхва на удачу снова загорелась. Но где-то на середине между сразу последовавшим после удара комментарием «Твою ж мать!» и «Со всем ах...л, что-ли!», надежда начала угасать. Снорре уже совсем не хотелось хватать чертыхающегося и пытающего отряхнуться от муки гостя и тем более шептать ему на ухо мольбу быть помощником в беде, ну или предложить срочно отвести припасённой подкормки – молочка с ватрушкой.

Волхв осторожно зажег лучину, поднял руку и вгляделся в ночного гостя. Тот тоже, наконец, протёр глаза и устоял на Снорре, обсыпанного мукой с ног до головы. Прошли секунды.

– Я – Ратко Гой... А ты должно быть долбанутый волхв. – выдавил гость и протянул руку для рукопожатия.

Снорре ничего не оставалось, как молча встретить протянутую пятерню.

Облачко муки взвилось от крепкого рукопожатия двух мужчин.

– Кто это у Вас так гогочет в избе? – любопытная Злата,

зашедшая, как обычно, с утра за мукой, покосилась в сторону дома.

– Это гости мои. С недельку назад гонцы самого городничего из столицы приезжали, просили разместить этих следопытов. Да и монетой не обидели... Ведуницу искать идут. Может и найдут, а, Злата?

Женщина попыталась скрыть пробуждающееся любопытство.

– А мне почём знать? Коли голова есть на плечах, так с помощью Семиликих и найти можно. Только я тебе вот что скажу, Гуно. Если даже её найдешь, то без колдовства-то не одолеть, иначе она морок наведёт, ооой-йooo! Костей не соберём потом по болотам.

– Да есть тут один... Хм-хм, – закашлялся Гуно. – Всё хочет моего мельничного приручить, да что-то, хм-хм, силёнок что-ли маловато.

Мельник помог взвалить мешок с мукой на повозку Златы и стукнул широкой ладонью по крупу лошади: «Но! Пошла!» Злата заулыбалась и помахала ему на прощанье рукой.

На Гуно давно поглядывали как на завидного жениха. Конечно, он был уже не молод, зато держал себя в потрясающей форме и вёл хозяйство стабильно – хлеб и рыба в доме всегда были. Однако, после того, как ушла жена и исчезла дочь, Гуно в деревню особо не заглядывал. Жил уединённо, хотя и не был угрюм или озлоблен на мир.

Мельник проводил повозку взглядом и вернулся в дом.

Там всё ещё ржали Снорре и Ратко, вспоминая вчерашний случай. Ратко особо веселился.

– Не, Снорре, я говорю ему: «Мельник, ты мне скажи, где волхв разместился? Я хоть отчитаюсь, что прибыл». А он мне спросонья в сторону мельницы машет рукой-то «там, мол, иди».

Гуно, проходя мимо, проворчал в их сторону.

– Да мне рази упомнить было, что там господин Снорре задумал. Я уже третий сон видел, когда Вы пожаловали.

– Ладно, Гуно, не твоя вина, – Снорре поднес ко рту горячую чашку со сбитнем. – Мы всё уладили. Видать не судьба мне твоего мельничного заарканить.

Волхв вздохнул и добавил.

– И вообще мы же с тобой на «ты» перешли. Давай без «господина».

На этом они решили закрыть тему духов и, пока доедали завтрак, больше болтали о житейских пустяках. Осталось дождаться ещё двоих, и на это у охотников на ведьму была пара дней. На рассвете четвёртых суток путники решили, как бы не сложились обстоятельства, отправляться в путь. Вскоре к мельнику была доставлена депеша от Торчина. Он торопил экспедицию вперёд, отмечая, что в столице становится беспокойно. Нел с Верховным Титулом удалились из столицы в загородную резиденцию Верховного, и уже вот как неделю оттуда нет вестей. Сенат до резиденции не пускали. Это было не что иное, как очередной знак ослабления реаль-

ной власти сенаторов. В письме Торчин выражал беспокойство, что в стране грядут перемены в верхах власти и как предлог, чтобы сместить его с поста мэра, могут воспользоваться отсутствием результатов миссии.

Снорре решил расспросить Ратко о ситуации в столице, и тот подтвердил волнения в верхах власти и напряженность в городе. Сокх уже давно добрался туда и теперь разъедал низы общества, а городские дружинники, следящие за порядком, ничего не могли предпринять, потому что источник наркотика не был известен. Всё что знала разведка – это, что искать его надо на юге, в Савошских топях или на юго-востоке в лесах эльфийской Ливеллии.

На второй день, ближе к вечеру, прибыл Яробуд Ретивый. Голубоглазый, широкоплечий блондин. Он был примерно того же роста, что и Снорре – чуть выше среднего, но в ширину и по массе мускулатуры ему не было равных. Видимо, поэтому он приволок с собой лабрис – тяжеленный двусторонний боевой топор, которым богатырь орудовал как пушинкой. Весь вечер Снорре с удовольствием следил, как Яробуд и Ратко тренируются на лужайке у реки, недалеко от мельницы. Сам же он решил ограничиться получасом упражнений, безуспешно пытаясь всё это время отбиваться от лабриса Яробуда и двух кописов Ратко – изогнутых небольших мечей около семидесяти сантиметров длиной. Бой на мечах не был его коньком, и он это знал, но послушать советы настоящих рубак было действительно полезно. По тому, что

наблюдал Снорре, было видно, как невероятно быстр Ратко. Немного сутулый, с чёрными слипшимися волосами до плеч, Ратко удивительно ловко уворачивался от мощных рубящих ударов Ретивого. Блондин уже начинал злиться. Весь в поту, он всё больше и больше вкладывал силы в свои, уже перестающие быть такими уж «тренировочными», удары, но никак не мог настигнуть воина из Изыхской Стыни. Ратко, не смотря на свой высокий рост, – а был он почти на голову выше Снорре и Яробуда, – пружинистыми шагами, иногда даже перекатами через голову, уходил от свистящего лабриса и уже два раза плашмя легонько касался лезвием своих кописов сначала плеча, потом и шеи раскрасневшегося Яробуда. Да, как и рассказывал Торчин дэ Лилль, Гой бился, не моргая и даже не щуря глаза. Он как будто ни секунды не терял даром, рассчитывая каждое движение. Каждый взмах руки, поворот тела или неудобное положение ступней противника он видел и старался использовать для контратаки. Его стиль боя можно было бы назвать свехатакующим, если бы ни большое количество обманных движений и уходов в полузащиту, из которой он опять атаковал.

В конце концов, совсем обессилевший Яробуд плюхнулся на землю и вытер пот, обильно стекающий со лба.

– Хорошь, Ратко. Уффф... Не помню, чтобы меня так кто-то уделывал.

Ратко Гой только усмехнулся, крутанул мечами в воздухе и молниеносным движением загнал их в ножны за плечами.

Шмыгнул своим большим, немного горбатым носом и завязал растрепавшиеся пакли в хвост синей лентой с орнаментом.

– Чернокнижник, а ты кроме меча, чем ещё в бою похвастать можешь? – спросил Яробуд.

– Хе, а мечом он может похвастать? – сделал изумлённую гримасу Гой. – А я думал, он им от комаров отмахивался.

Волхв решил пропустить очередной подкол Ратко.

– Видишь ли, – он отложил книгу и встал. – При желании могу поморозить.

– Попробуем? – Яробуд неожиданно встал и быстрым шагом пошёл на Снорре, раскачивая лабрисом. – Вот, к примеру, на тебя неожиданно нападают. У тебя несколько секунд!

Волхв хоть и не ожидал атаки, но ему было достаточно пары секунд, чтобы произнести в уме мантры для создания минимального эффекта заморозки. Впрочем, этого должно было быть достаточно, чтобы остудить пыл нападавшего. Снорре присел на колени и быстро выбросил руки ладонями вперед. В этот момент Яробуд Ретивый уже начал поднимать топор над своей головой. Конечно, он не собирался рубить. Здоровяк хотел только припугнуть, остановив секиру прямо у шеи волхва, но... Из рта вояки вместе с дыханием вдруг вырвался пар, как будто он только что вышел из хорошо протопленной избы на мороз... Лабрис задрожал в руках, так полностью и не поднявшись.

– Аааау! – закричал Яробуд, отступая на шаг назад и

быстрыми массирующими движениями потирая себе руки и грудь. Его кожа приобрела синий цвет, а местами и покрылась лёгким инеем, на ресницах начали таять льдинки. – Это что за херня!?

Снорре встал, отряхивая колени от земли. Он сам немного не ожидал такого эффекта. Так как бывший лесоруб напал внезапно, волхв просто не успел соразмерить силы. Даже очки, которые он не успел снять, теперь запотели с внутренней стороны.

– Ты же просил продемонстрировать. Вот научно выражаясь, трансформация маны – магической эссенции – в силу холода. Моя основная страсть, можно сказать, ну и способность.

Он потряс рукой, которой направлял заклинания.

Яробуд всё никак не мог согреться, прыгая с ноги на ногу.

– Д-д-д-д. А эт-т-о надолго?

– Не могу сказать, – почесал затылок Снорре. – Думаю пару часов.

Ретивый, стуча зубами и чертыхаясь, поплёлся греться в избу, благо дымок из трубы ясно говорил – Гуно что-то готовит на ужин, а значит, у печки тепло.

Волхв снова встряхнул руками, снимая небольшую онемелость. Сам принцип магии почти у всех колдунов заключался в том, что получая извне и преобразуя ману в ту или иную форму заклинания, человеку приходилось и «отдавать» или другими словам платить за магию. Например, при заклина-

нии заморозки средней силы у Снорре немела рука, направляющая чары. Ну а если заклинание было действительно мощное, могло занеметь и пол тела. Этот принцип баланса распространялся на всё вокруг, ведь за всё надо было платить: если ты накануне сильно пьянствовал местную медовуху под незамысловатым названием «Зорицы», то к утру у тебя обязательно будет трещать по швам голова, если ты не жалея сил скосил весь луг, то к вечеру будет ломить спина. Ну, а ежели сильно баловался магией, будь добр, жди самых разнообразных эффектов. Всё зависело от обстоятельств и силы чародея.

На третий день Снорре и Ратко снова прошлись по деревне, опрашивая местных старожил о случаях бешенства или пропажи людей, но никто ничего нового так им и не рассказал. Да, люди пропадают чаще. Да, некоторых сводит с ума сокх. Но ни ведьмы, ни её приспешников никто толком не видел. Вечерело. Несмотря на начало лета, после захода солнца было прохладно. В основном из-за северо-восточного ветра. Ветер шевелил кронами кипарисов и диких черешен. Вдали на тёмно-синем небе, почти не двигаясь, парил коршун, как будто он заснул на высоте или кто-то остановил время. Снорре снова невольно подумалось о том, что он мог бы, наверное, остаться здесь надолго... Когда-нибудь после. После того, о чём он сам ещё не ведал.

Той ночью он заснул почти сразу. Ему ничего не снилось, но было непривычно холодно. Не прошло и часа, как он проснулся и поёжился под тонким пледом. «А ещё силами стужи владеешь», – подумал он, недовольный холодом. Он приподнялся на локте, поискал глазами, чем бы ещё накрыться, и тут же замер – на углу его кровати тихо сидел высокий и худой старик с седой бородой и длинными белыми волосами, почти скрывающими тускло светящиеся зеленые глаза. Голова была чуть опущена в задумчивости, будто он ждал чего-то и задремал. Всё его тело, голова, одежда, как и та половина кровати, на которой он сидел, были обсыпаны мукой. В руке он держал длинный посох с железным набалдашником в виде клюва ворона. Не поворачивая головы, старик заговорил.

– Волхв, – голос был сух, короткий, пуст. Из рта выбилось облачко муки. – Ты искал... Тебе нужен дух-хранитель.

Снорре сел на кровати. Он медленно соображал, был ли это вопрос или утверждение. Маг чувствовал силу духа и ещё он чувствовал, что мана, исходящая от духа, была “доброй”. От мельничного не исходила агрессия или зло. Снорре попытался сообразить, что ответить, но дух продолжил.

– Твое дело... Важен путь твой, – только сейчас дух повернул голову, и глаза их встретились. – Но я не буду служить тебе, если хозяину мельницы ты услугу не окажешь. Услугу для хозяина... Для Гуно.

– Какую... какую услугу? – тихо, осторожно подал голос

Снорре.

– Ты узнаешь. Но ты не должен слышать сейчас. Хозяин гниёт изнутри тоской, – мельничный медленно встал. Сейчас его глаза не отрывались от волхва. – Помоги ему. И я послужу тебе... Собери муки в бутыль, чтобы носить с собой плоть мою. Плоть оживет, как только ты рассыплешь щепотку из бутылки. Если кончится мука, заезжай сюда и наполняй снова. Но прежде – сделай дело своё! Как только поможешь Гуно, узнай у него имя моё.

В долю секунды – сразу после того, как старик договорил «моё» – его не стало. Только лишь мука на секунду зависла в воздухе в форме фигуры высокого старика с посохом и тут же осыпалась вниз на пол.

Снорре сразу почувствовал, как воздух снова стал теплеть. Он прилёг и еще долго думал, чем же таким он может помочь мельнику, но в голову ничего путного не приходило. «Ладно, чего гадать. Завтра спрошу напрямую, хоть он этой темы и не любит», – подумал волхв и перевернулся на бок. После ветреного дня ночь оказалось на удивление тихой. На утро решили отправятся в путь, уже не дожидаясь Драгана Болеславовича – третьего из охраны, обещанного Торчином дэ Лиллем. Надо было спешить.

Как только рассвело, они шумно засобирались. Хозяин тоже уже был на ногах и готовил им в дорогу немного мяса, сыра и хлеба с зеленью. Они быстро перекусили и вышли из до-

ма, держа лошадей под уздцы. Гуно пошел их немного проводить и на ходу давал наставления, как быстрее пройти к болотам. У околицы деревни все четверо остановились: прощаться. В сторонке стояли несколько зевак, которые пришли поглазеть, как бойцы отправляются в странствие. Не каждый день в Медовых Зорицах видишь настоящего волхва и искусных воинов. Конечно, хождения Снорре по деревне да его расспросы не остались не замечены. Любопытные соседи тут же под предлогом закупки муки заглядывали к Гуно в гости и начинали выпрашивать, что за люд диковинный к нему пожаловал. Мельник не стал ничего скрывать. Вот и пошёл по деревне слух быстрее пожара во время засухи. Через пару дней и стар и млад знал, что путники идут избавить народ от того зла, что приходит с болот.

Пришедшие провожать были немного возбуждены и тихо между собой перешептывались. Несколько женщин передали в путь липового мёда и пирожков.

– Уж вы возвращайтесь целёхоньки, солдатики. Не сгиньте в болотах-то, – говорили одни.

– Да вы хлавное в глаза, в глаза ейные не смотрите. Ооой, заколдует, касатики, – качали головой другие.

Волхв тронул Ратко за плечо.

– Вы идите пока, я сейчас догоню. Мне с Гуно кое о чём поговорить надо.

– Ясно, – Ратко, почесал в бороде, одернул свой неизменный чёрный плащ, обрезанный у колен, и накинул капюшон

на голову.

Снорре же отвел в сторонку мельника.

– Гуно, я знаю, эта тема тебе не по душе, но ко мне вчера приходил твой мельничный. Он согласен стать моим духом-покровителем, если я сослужу тебе службу, – Снорре наблюдал за реакцией Гуно. Это было важно для него настолько, что он даже подключил свои способности и начал вслушиваться с биение сердца мельника. – Чем я могу тебе помочь, Гуно? Мельничный мне не сказал ничего конкретного.

Сердце мельника встрепенулось на пару биений громче обычного и потом снова застучало ровно, без колебаний. Гуно Манчак был спокоен.

– Не могу сказать, господин волхв. Жизнь моя вот уже пару лет течет ровно. Желаний особых нет. Никуда не бегу, да и не отстаю от остальных-то. Своё дело мельничное знаю, – он поднял немного грустные глаза на Снорре. – Ты вот что... отомсти за нас ей...

– Гуно.

– Иди. Пусть за тобой присмотрят Семиликие.

– До свидания, Гуно, – проговорил Снорре и взобрался на коня.

Он понимал, что мельник говорит правду и сам не знает, что имел в виду дух: «Ладно, надеюсь, дело действительно в мести. Свернем шею старухе и увидим. Как же не просто с этими мельничными». Снорре прищипорил коня и поскакал догонять Ратко с Яробудом.

После вспаханных полей пошли рощи редко стоящих раскидистых вширь дубов, увешанных гирляндами лишайника, называемого в пяти королевствах «левэрский мох». Дубы были старые и вместе с покачивающимися на ветру прядами мха напоминали древних старцев. Влажность в этих местах особенно летом была высокая. Через десять минут Снорре пришлось снять накидку с плечей и остаться в одной льняной рубаше. Он уже догонял товарищей, пустивших лошадей неспешным шагом, когда услышал отдалённый топот копыт. Кто-то приближался. Он обострил слух. «Всадник. Один. Спешит. Минут через пять-семь должен поравняться с нами», – подумал волхв и потянул вправо поводья, разворачивая коня.

– Стооой, – крикнул волхв Ратко и Яробуду, шедшим чуть впереди. – У нас гости. Вернее, гость. Будет через минуту. Явно за нами. Постоим – подождём.

Остальные были не против. Они подъехали к Снорре и усиленно вглядывались в дорогу, петлявшую между разросшимися дубами и кедрами.

– О, я сейчас тоже слышу, – пробормотал Яробуд. – Несётся прямо, ты смотри.

Всадник низко припал к белому скакуну, красиво идущему галопом по едва намеченной дороге. Он ловко обходил или перепрыгивал встречающиеся на пути поваленные ветви деревьев. Всадник был в лёгких доспехах. Даже издали по-блескивали его нагрудные пластины, посаженные на чёрный

кожаный панцирь. Увидев, что путники его ждут, он сбавил бег и уже лёгкой рысцой приблизился к выехавшему вперед Снорре.

– Доброго дня! – приветствовал всадник, распрямляя плечи и откидывая назад плащ. На правом металлическом наплечнике, как и полагается всем знатным рыцарям, был выбит родовой герб – горноста́й держит в лапах пойманную птицу. На груди герб Республики Левэр. Судя по лицу ему не было ещё и тридцати. По серым глазам с прищуром и широким скулам можно было назвать лицо волевым. Таким лицом должен обладать человек решительный, знающий себе цену.

– И Вам того же, достопочтенный! – Снорре ограничился приветствием и дал незнакомцу самому озвучить цель приезда, хотя волхв уже догадывался, кто это мог быть.

– Я – Драган Болеславович. Второй сын рыцаря Болеслава Экко – командующего западной армией. Смею предложить Вам свою помощь в поимке ведуницы из Савошских болот. Торчин должен был предупредить.

– Предупреждал. Только мы ждали Вас, как и было условлено, – три дня.

– Знаю и прошу извинить. – Драган подъехал поближе к волхву. – Были неотложные дела в столице. Сейчас там чёрт знает что творится.

Они неспешно тронулись в путь. Снорре представился и представил остальных путников.

– Что сейчас в столице? – повернулся к Драгану Яробуд.

– Я давно не видел отца, чтобы рассказать более точные сведения, так скажем, из первых уст. Из того, что слышал и видел, могу сказать, что на востоке стоят наши лучшие войска. Основная армия мобилизована. На верхах поговаривают, что Верховный меньше месяца назад принял гонца из эльфийского Айнах Ад’Дира. Горные эльфы явно пришли не с хорошими новостями, потому что после их аудиенции началась мобилизация. Сейчас же Верховный с Нелом заперлись в своей норке «Лунный Серп» – любимой резиденции нашего владыки. Хм... Никогда меня туда не приглашали... Говорят, Верховный ценит приватность своей семьи и мало с кем заводит близкие контакты. Ну, а сенат, как обычно, в стороне. Они уже вряд ли что-то решают. Мне кажется, они там теперь только и делают, что философствуют, да выдвигают дурацкие инициативы, типа отправлять пойманных контрабандистов на реабилитацию в лагеря или запретить ввоз целебных рогов, срезанных с бесов из Эльневара, потому что они, якобы, подрывают торговлю местных знахарей.

– Торчин мне писал, что Вы хорошо знаете Верховного Титула. – Снорре попробовал попрошупывать рыцаря, посмотреть, не лукавит ли он. Лёгкие сбои в движениях сердца, ускорение ритма – всё может дать намек на эмоциональное состояние человека. Волхву было нужно лишь послушать сердцебиенье Драгана, чтобы уловить правду он говорит или врёт, и Снорре был в этом хорош. Но на этот раз сердце рыцаря не изменило скорость бега.

– Должно быть, господин дэ Лилль допустил небольшие домыслы и рано пришел к выводам. Да, я знаю Верховного, но не часто его вижу. Раз в полгода на военных маневрах, когда он проводит смотр войск. Мой отец, напротив, по долгу службы общается с ним лично довольно часто.

– Понятно...И всё же почему Вы решили пойти с нами? Экспедиция не то чтобы лёгкая и безопасная.

– Вы знаете, – задумался Драган. – дух приключений, наверно. И, конечно, хочется попробовать себя в настоящей схватке. В наше мирное время... Да что говорить, воевали мы в последний раз лет двести назад – скучно, знаете ли. Я уверен, что и это стояние на восточных границах – всего лишь недоразумение. Ну не орки же перешли Долину вепря, обрушили все замки Айнах Ад’Дира и ломаются к нам.

– Это вряд ли, – крикнул сзади Яробуд. – Если бы эльфы пали, это бы точно не на раз-два случилось. Тут бы война такая разошлась. Уууу! Мы бы уж давно на передовой куковали.

– Есть ли слухи из союзных королевств? – продолжал интересоваться Снорре.

– Из других краёв знаю только, что на севере продолжается сильный голод. Говорят этой зимой на западе Бурых гор несколько деревень полувывмерло, другие переселились поближе к столичному Фъяндхайму, который получал провизию из Драбанта. Гномам совсем туго пришлось.

Так за неспешными разговорами всадники прошли доб-

рую половину дня. Снорре кратко ещё раз рассказал их план двигаться на юг по указанному мельником пути вплоть до заброшенной деревни. Там они должны были отклониться немного на восток и еще через полтора дня пути уже высматривать обитель ведьмы. Волхв заверил товарищей, что через обострение чувств он должен засечь источник тёмной маны. Обычно ведьмы оставляют за несколько вёрст предупреждающие знаки. Найти их будет не так сложно.

Сам же Снорре надеялся на немного другой сценарий.

Из рассказов местных жителей, которых они успели опросить за три дня, у него, конечно, было примерное представление о том, в каком месте может находиться жилище ведьмы. Основное направление – на юг. Там, где кончаются дубы с кедрами и начинаются кипарисы причудливых форм. Там, где простираются болота, по ночам можно слышать, как поют девы-трясавицы, а тяжелый мрак озаряется мерцанием зеленых светлячков, будто кто-то рассыпал волшебные изумрудные бусы, камешки которых все еще плавают в воздухе, так и не найдя место, где бы упасть. Там начинается царство той самой ведуницы, которая, как утверждают местные, крадёт людей и напускает морок.

Однако больше он надеялся на то, что кто-то из его свиты всё же окажется замешанным в тёмных делах Культа. Наверняка, если кто и был приверженцем культа, то его задачей является отвести охотников за ведьмой как можно дальше от места её обитания. Он должен либо настаивать на другом

пути, либо, если это не удастся, просто выдать себя, проявив сильное волнение при приближении к жилищу ведьмы. Он должен нервничать, планировать, чувствовать опасность или приближение битвы. Что угодно. А Снорре уловит всплеск адреналина. Услышит через обострение чувств учащённое сердцебиение или почует усиливающийся запах пота и страха. «Надо только уловить момент, – думал волхв. – На развилке дорог, на перепутье. Задать им правильный вопрос – качнуть весы выбора в ту или иную сторону и почувствовать реакцию каждого на этот выбор».

Все трое были пока не совсем понятны. Драгана он уже поверхностно проверил – он не врал про Верховного. Храбрый малый. Оказался серьёзным, вдумчивым собеседником. Похоже, он достиг почти всего, что хотел. Отличная карьера. Понятное дело, не хватало приключений. Ратко был немногословен. В основном только с ним. Был часто мрачен, но иногда любил и сальную шутку выдать или подколоть. Матерился от души. Снорре не почувствовал в нем и тени тревоги или других эмоциональных колебаний. Яробуд наоборот, говорил много. Но видно было, что он чего-то опасается. Если сказать просто – скорее всего, он боялся встречи с неизвестной лесной ворожеей. Этот страх был понятен. С другой стороны, был ли это страх ведьмы или страх чего-то другого? Почему другие не выказывали тревоги?

«Ладно. Рано еще задавать вопросы. Поглядим. Послушаем», – решил про себя Снорре, оглядывая окрестности.

К вечеру добрались до покинутой эльфийской деревни. Гуно говорил, она была разрушена во времена Великой Войны, то есть ещё до создания Союза Пяти Королевств. В разгар войны люди сожгли её почти всю. Эльфы бросились на восток, в те земли, которые потом стали называться Ливеллией. Здесь места уже тогда, триста лет назад, были заболочены, поэтому даже после заключения пакта о ненападении и Вечного Союза королевств никто не стремился туда возвращаться. Да и возвращаться было не к чему. Чёрные бока сараев с торчащими к небу балками были похожи на обуглившиеся скелеты. Повалившиеся заборы. Заросшие папоротником и хвощом огороды.

К вечеру завели свои разговоры лягушки, передразнивая друг друга. Настоящие топи ещё не появились, но Снорре уже ощущал их запах. Километров через двадцать-тридцать они начнутся.

Расположились под сенью широкого дуба. Запалили костёр и приготовили ужин. После небольшого перекуса, особо не задерживаясь за разговорами, завернулись в свои спальные мешки и заснули.

– Комары задрали ночью, – ворчал Ратко, накидывая капюшон.

– Болота же. Куда без комаров? – ухмыльнулся Снорре. – Больше отвлекает писк, чем всё остальное. Я просто умень-

шаю восприимчивость к звуку.

Путники только закончили умывание и завтрак. Не торопясь собирались в путь. Солнце уже всюю нагрело влажный воздух, пробиваясь сквозь листву кипарисов.

– А как же бдительность? Если леший решит тебя по приказу старой карги на маленьких волхвях порвать? – повел бровью Ратко.

– Очень смешно, Ратко, – скривился чародей, – Во-первых, лешие – дикие создания. Они не подчиняются никакой силе, даже если это был бы морок сильной ведуницы. Во-вторых, на что мне другие чувства?! Я оставляю осязание обостренным. Почувствую дрожь земли, если кто крупный приблизится.

– Эко, какой чувствительный... Надеюсь, я не помешал тебе, когда поссал воон в те кусты ночью, – заржал Ратко Гой и подстегнул кобылу.

Тронулись.

– Господин волхв, мне кажется, если позволите, этот Гой ведет себя чересчур нагло, – сказал немного погодя подъехавший к Снорре Драган. Если хотите, я поговорю с ним.

– Не надо, Драган, думаю, это будет бесполезно. Его отравление хамством давно не лечится. Похоже годы на Линии Несвернувшейся Крови не прошли бесследно.

– Хорошо. Но хочу Вас предупредить, – Драган понизил голос и чуть наклонился в сторону Снорре. – Ночью я видел,

как он просто сидит у дерева и смотрит куда-то в небо. Мне показалось, его потрясывало... ну, как больного.

– Ясно, что потом?

– Потом он лёг... Я тоже заснул.

Снорре задумался.

– Спасибо, Драган. Я послежу. Если заметите что-то ещё, скажите, – доверительно кивнул ему волхв.

Природа вокруг начала меняться. Могучие кедры и дубы мельчали и постепенно начали уступать место кипарисам, опутанным лианами и левэрским мхом, который, как и прежде, свисал до земли длинными, лёгкими, почти прозрачными косами. Ехали теперь медленно. Копыта лошадей погружались всё глубже в мягкую, влажную почву и уже с усилием и чавканьем выдёргивались из земли. След на секунду оставался сухим, а потом наполнялся тёмно-зелёной жижей...

Вот кончились и дубы, остались лишь древние тысячетлетние кипарисы, привставшие на корнях прямо над водой. За сотни лет им пришлось приспособливаться к условиям здешней природы. Корневая система менялась. Толстые корни расходились над водой в разные стороны и только потом в метре от поверхности воды собирались в ствол, таким образом, являясь опорой дерева. Деревья чем-то были похожи на огромных пауков, приподнявших на своих могучих лапах, чтобы не замочить брюхо. Мох ещё более густыми паклями

неизменно колыхался на ветвях. Лучи солнца, пробиваясь сквозь него, заливали тусклым зеленоватым светом внутренний мир болота, по которому, озираясь, нетвёрдо ступали нежданные гости.

Савошские топи! Это имя с детства помнит весь Речной Народ – все, кто проживал в Республике Левэр и в королевстве Драбант. Ведьмами с Савошских топей издревле пугали малышей во всех землях от Бурых гор на севере до южных окраин Ливеллии. Топи занимали немало территории и простирались на триста вёрст от границы Левэра до верхнего берега Великого озера Тайдуюшо.

Во многих местах земли Савош были полностью затоплены. Через них можно было проплыть только на лодке, и путники это знали. Они умело обходили зеленовато-синеватые воды, из глубин которых время от времени поднимались газы. То тут, то там булькнет коротко и глухо и тут же замолкнет. В остальном воды были неподвижны. Мертвы. И от этого становилось еще жутче. Невольно путник начинал прислушиваться к звукам топей, слышать то, что можно было объяснить – крикнет вдали цапля или завоет выпь – и то, что объяснить нельзя.

В самых непроходимых местах приходилось прорубать буреломы топориками. Сухие ветки как обломленные ребра давно почивших чудных животных торчали из застывшей глади. Из-за недостатка света трава в здешних местах почти не росла, уступая место мягким как перина мхам. Порой ка-

залось, что единственные обитатели здесь – змеи, аллигаторы и комары.

– Да чтоб тебя! – Яробуд шлёпнул очередного комара на мокрой от пота шее, – Сучьи дети! С горного тролля выма- хали, ей богу!

Они спешили и вели коней под уздцы. Стало вечереть. Зардевшее солнце скатывалось по вершинам кипарисов к горизонту и окрашивало багрянцем болотные воды. Ратко остановился.

– Слышите? – он поднял руку вверх.

На минуту все встали, и звуки чавкающих сапог, копыт, позвякивающей сбруи и переваливающейся на спинах лоша- дей поклажи прекратились. Лишь пару раз всхрапнул конь Драгана.

Сначала они ничего не слышали.

Подождали.

И вот чётко раздался звук топора. Раз. Два. Три. Пауза. Потом снова.

– Пойдём, – решил Снорре. – Это, должно быть, какой-то отшельник. Нам надо где-то заночевать. Сегодня мы точно не доберемся до неё.

– А когда доберемся? – спросил Яробуд.

– По моим расчётам завтра к вечеру.

– А может это старуха дрова заготавливает? – не удержал- ся Ратко.

– Пойдем.

Двинулись восточнее, в сторону звука. Вскоре заметили темнеющую среди стволов хижину. Потом еще одну. Из трубы третьей хижины вился слабый дымок. Заборов почти не было. Лишь несколько участков грубо сколоченных друг с другом досок, вбитых в землю, намечали небольшую территорию поселения. Видно было, что деревянные срубы поставлены не так давно, не особо искусно и не слишком крепко. Мельком путники насчитали более десятка домов, из которых несколько уже покосились из-за подмывающей их воды. Местами топи подступали почти вплотную к стенам.

Снорре краем глаза заметил, как Ратко шевелит губами, считая жителей и обводя взглядом границы поселения. Рука Драгана медленно опустилась на серебряную резную рукоять меча.

– Спокойно. Мы только здороваемся, – произнёс волхв.

Приближение людей на лошадях сильно озадачило поселенцев. Высокая блондинка в тёмно-сиреневой простой рубахе, увидев их, вскрикнула от неожиданности и побежала в дальнюю хижину, которая казалась чуть больше остальных. Мужик с топором, который до этого был занят заготовкой дров, выпрямился и уставился на непрошенных гостей напряжённым взглядом. Ещё пара девушек, занятых небольшим и скудным огородом, тоже разогнули спины, но никуда не побежали. Видимо, посчитали, что блондинка позовёт кого надо. Однако в воздухе чувствовалось напряжение, как

будто жители были смущены, что их застали на этих болотах.

– Мы только хотим поговорить... Со старостой общины. Кто у вас главный? – крикнул Снорре, медленно приближаясь к ближайшему дому и застывшему возле него хозяину.

Волхв хотел продолжить, но увидел, как из дома, в который вбежала блондинка, спешно вышел громила. За ним вышли ещё двое мужчин. Троица напрямик направилась к вновь прибывшим. Шли спокойно, но быстро. Оружие было только у одного, да и то не боевое – лишь небольшой топорик, заткнутый за пояс. Блондинка семенила сзади и любопытно поглядывала на троих путников из-за спины здоровяка.

Мужчины подошли на безопасное расстояние. Все были в засаленных тёмных рубахах и длинных портках, подпоясанных верёвками.

– Куда путь держите? – подал голос тот, который, похоже, был местным главой – двухметровый бугай с длиннющими руками-лопатами и тёмными, длинными, растрёпанными волосами. Голос был грубый, чуть взволнованный. Взгляд его немного выпученных карих глазищ напряженно вглядывался в Снорре, который вышел чуть вперёд, давая понять, что он будет вести диалог.

– Доброго вечера! Мы не хотели тревожить. Направляемся в Дебитмэль с поручением от правительства Левэра.

– В Дебитмэль из Республики есть более короткие пути.

– Аха, и более безопасные, – поддакнул лысый коренастый

мужик справа от здоровяка и обнажил в ухмылке рот, в котором явно не хватало нескольких зубов.

– Мы впервые в этих местах. Хотели немного отклониться и на полчаса зайти в топи, полюбоваться известными болотами Савоша, – ведь про них ходит столько легенд, – но заплутали и не смогли найти путь назад. Слава Семиликим, на вас набрели, – вполне уверенно произнес волхв, включая свои актёрские навыки.

– Ха, это было глупо вообще входить в топи, если ты не знаешь, что от них ждать, – оскалился двухметровый. – Я Сожин, это – Кнут и Креслав.

Он показал на лысого и на другого – щуплого человека в кожаной шапке, прикрывающей уши.

– Вас трое?

– Да, – ответил Снорре, – Господин Сожин, если у Вас найдётся место для ночлега, и если Вы покажете завтра утром, как выйти из этих мест, мы будем очень благодарны. Я понимаю, что это наша ошибка... Дураки... Решили, будет что рассказать детям, когда вернемся, а тут вот как обернулось...

Мужики переглянулись, и, недолго думая, Сожин махнул им следовать за собой.

– Пойдем. Есть ещё не обжитой дом.

Они прошли пару перекошенных изб и через несколько минут добрались до тёмного сруба, в котором, в отличие от других, не теплился свет в окне. Пока они шли, Снорре и путники заметили, как их процессию провожают удивлён-

ные взгляды женщин, занятых во дворах стиркой.

– На баб не смотрите, они давно никого с большой земли не видели, – проворчал Сожин и открыл незапертую дверь.

Яробуд проводил их глазами и, как только все скрылись за дверьми избы, снова опустил заросли кустарника. Он присел на землю в своём укрытии в нескольких десятках метров от поселения и, как ему наказал Снорре, начал ждать. Мысль у волхва была простая. В этих местах, очень близких к жилищу ведьмы, могли селиться только безумцы. Это могли быть либо изгнанные за какие-то повинности люди или...

«Приверженцы Культа, – сказал Снорре. – теоретически они могут здесь быть. Охранять. Или просто жить. Я не знаю, но мы не можем рисковать всей миссией. Надо перестраховаться. Для одного из вас будет задание».

Путники посовещались и решили, что Яробуд останется последить за деревней издалека. Этот «козырь» должен быть разыгран в качестве подстраховки, если жители деревни будут действовать недружелюбно.

Для понимания, где лучше устроиться на ночлег, чтобы обзор за домами был максимальным, Яробуд обошёл скопление хижин вокруг, аккуратно пробираясь через буреломы. Ему хватило тридцати минут, чтобы найти небольшой пригорок с хорошим видом на избу, куда повели его соратников. Он прилёг и начал ждать, короткими взмахами руки отго-

няя комаров: «Чёртовы тварюги, не видать мне покоя сегодня ночью. И надо было забраться в такую глушь?! Главное, чтобы никакая гадюка в штаны не заползла».

Тем временем всех троих разместили по комнатам. Ратко отвели место на тесном чердаке. Драган и Снорре оставили вещи в двух основных комнатах.

– Через часок заходите в баню, а опосля в трапезную. Я пришлю Златку за вами. – сказал перед уходом Сожин, почёсывая давно не мытую шевелюру спутанных волос, и добавил. – Гостей у нас не бывает обычно, так что не обессудьте, если что не так.

Здоровяк вдруг закашлялся и сплюнул в окно. Потом развернулся и ушел.

Через час зашла Златка – та самая высокая блондинка со светлыми узковатыми глазами, которые казались немного затуманенными. Путники заметили, как она была красива, хоть и не опрятна: волосы шёлковыми прядями спадали чуть ниже плеч, широкий таз, тонкая талия и полные груди. Было удивительно, как такая красавица решила переселиться в эту дыру. Все трое переглянулись и, кажется, прочитали мысли друг друга. Она же тихо поздоровалась и попросила следовать за ней.

Когда их компания подошла к бане, дверь вдруг открылась, и из неё в клубах пара спешно вышел, по-видимому, последний посетитель. Среднего роста молодой человек, не поздоровавшись, повернулся к ним спиной и, придерживая

рукой полотенце, засеменял к своей хате. На его мокрой спине красовалась умело выбитая татуировка. И хотя было уже темно, при свете факелов Снорре всё же смог различить основной мотив. Наколка начиналась между лопаток, доходя до шеи, и представляла собой необычную картину. Это был карлик-горбун, из ног которого тянулись в землю корни, а из горба росла ввысь сосна. На вершине сосны сидел ворон.

В бане они были одни. Путники старались не затягивать купание, желая побыстрее растянуться на своих кроватях и заснуть. Да и нехорошо было париться после полуночи. Люди верили, что в это время к духу этого места – баннику – приходит разная нечисть, которую он моет и парит. Если же оказаться именно в этот момент в бане, то дух может перепутать и запарить человека на смерть.

Пока Ратко Гой окатывал Драгана из кадушки горячей водой, Снорре уже обтирался полотенцем.

– Видели выбитого на спине карлика? – заговорил волхв.

– Конечно, Снорре, не слепые. Ну ка, Драган, хорош мылить причендалы, дай-ка холодненькой на меня, – прикрикнул Ратко.

– Я думаю, знаю что это.

– Ну.

– Там, в Медовых Зорицах один старик мне рассказывал, что видел такие же у людей, прибывавших из-за леса. Тех помешанных. А ещё, если верить энциклопедии чёрной магии Хорга дер Бура, в каждом из этих символов по отдель-

ности есть смысл.

– Выкладывай, какой там смысл, если у тебя из горба ёлка пойдёт, – оскалился Гой, обтирая волосатую мускулистую грудь.

Драган хрюкнул от смеха, но через секунду сдержался.

– Карлик по местным поверьям приносит удачу, богатство и власть, – продолжил Снорре. – Держать карлика во дворце у богатых семей юга Левэра и Ливеллии считается нормальным. Он и помочь в домашних делах может, и выступает в роли шута, но, главное, – он живой символ благополучия. Отсюда смысл – привлечение успеха и власти. Скорее всего, это главные цели Культа. Либо тот фасад, те козыри, которыми они привлекают простых людей на свою сторону. Но это не всё. В то же время оккультисты проповедуют возвращение к жизни в гармонии с природой. Отсюда на татуировке ель. А над всем этим...

– Ворон.

– Да. Если начать с начала, то карлик – это богатство – то, что ведьмы обещают дать людям и эльфам. Но вы обратили внимание на корни, растущие из ног? Карлик не свободен. Корни не дают ему сдвинуться. Корни – путы, удерживающие всех подвластных Культу под контролем ведуниц или того, кто возглавляет Культ. Ель олицетворяет единение с природой. И ворон – символ ведьм и ведовства. Получается ворон – властитель нового мира – над елью, ель – над людьми.

– Значит, – заключил Драган, – эти люди... Последователи. Значит Култ здесь.

Ратко молчал.

– Похоже, да, – сказал Снорре уже на пороге, – но они приняли нас и думаю, что поверили. Они не собираются нас убивать. Если всё пойдёт спокойно, нам не нужно лезть на рожон сейчас.

– Их немало, – тихо согласился Ратко, – а наша задача – убить ведьму.

Драган кивнул. Они накинули полотенца и пошли одеваться в свой сруб. Скоро их ждали в трапезной, откуда уже доносился грубый мужицкий смех и весёлые визги девушек.

На пути к трапезной, представляющей собой хижину более длинную, чем обычные срубы, им встретились две девицы. Они полупьяные, хихикая, пробрели мимо мужчин, украдкой на них поглядывая. И снова путники заметили, как красивые в этой деревне женщины. Все они были необычайно хорошо сложены и явно были моложе большинства из их мужей. Но, как и у Златы, взгляды девушек были немного с поволокой, как будто мыслями они были далеко.

Когда путники вошли в зал, они увидели, что девушек в общей едальне, а значит скорее всего и во всей деревне, было почти в два раза больше, чем мужчин. Большинство из них разносили еду и прибирали со столов. Но были и те, кто сидел рядом или на коленях у мужиков и просто пили и ве-

селились вместе с ними. Удивительно, но при такой скудности местных почв и фауны, столы не выглядели бедно. Тут были и зажаренные цапли, и рыба, и даже немного мяса аллигатора. Вечер как обычно для этих краёв выдался влажным и душным. Местные были одеты в основном лишь в лёгкие майки или рубашки. Девушки носили свободные неплотные блузы, порой расстёгнутые по пояс. Порой бесстыдно просвечивающиеся и подчёркивающие все женские прелести. Дети, подростки или старики в трапезной отсутствовали, как не было их и на улице, что показалось странным для Снорре и компании.

Все трое сели в углу зала и обменялись парой фраз с соседями со скамьи напротив, на которой сидел лысый Кнут. Ждать долго не пришлось. Через две минуты они заметили, как к ним подходит милая девушка с кувшином козьего молока. Она посмотрела на них и с лёгкой улыбкой спросила, что желают.

– Вам цапли подать или рыбки?

Её чуть припухлые губы снова тронула улыбка. Она повернулась к Снорре, и в бирюзовых глазах её проскользнул отблеск свечи. Широкие скулы придавали лицу немного строгости и чёткости. Длинные темные волосы, когда она наклонилась налить молока, ещё больше очертили приятный овал лица.

Рядом, ухмыляясь, кашлянул Ратко, и Снорее встрепенулся.

– Мне, мне. Эээ. Рыбу, пожалуйста.

Она чуть задержала взгляд на Снорее, выкладывая ему на тарелку рыбу со сковороды, затем повернулась к уже потиравшим руки Ратко и Драгану. Запах свежего обжаренного с луком окуня приятно отзывался урчанием в животе у проголодавшихся путников.

– Понравилась? – не удержался Гой, искоса наблюдая как Снорре провожает взглядом девушку.

– Хм, – почти не смутился волхв. Снял очки и положил рядом на стол. – Да тут я посмотрю, девиц вообще хватает. И почти все как на подбор хороши. Не понимаю, что они тут нашли.

– Согласен, господин волхв, – кивнул Драган и потянулся за солью. – Странно это как-то.

В трапезной их почти не замечали. И всё-таки все трое чувствовали некоторую напряженность в редких взглядах мужиков, ужинающих за другими столами. Явно гости были им не по душе. Не сговариваясь, Снорре и его компаньоны быстро прикончили поданный ужин и не стали дожидаться добавки. Они встали, попрощались с ближайшими соседями по столу и поблагодарили молодую кельнершу. Девушка проводила их до двери и тихим голосом попрощалась.

Выйдя на прохладу ночи, компания направилась к своему дому. «И все-таки гиблые здесь места», – подумал Снорре. Вокруг было слышно, как пищали тучи комаров. К ним замешивалось беспрестанное кваканье лягушек, звучащее, ка-

залось, со всех сторон. Только в паре окон горели свечи. Так как домов было немного, они довольно быстро сориентировались в какой стороне их ночлег. Сытые и довольные, переговариваясь шепотом, они подошли к срубам. У двери дома, к их удивлению, ждал Сожин.

– Всё понравилось? – глухо спросил он. – Мы – если надо, люди гостеприимные.

– Мы заметили. Спасибо! – ответил Драган, вглядываясь в тёмную фигуру. – Еда была превосходная. И должен вам сказать, если позволите, у вас очень красивые женщины. Теперь знаю в каких местах невесту искать!

Молодой рыцарь улыбнулся, стараясь, чтобы его фраза не прозвучала двусмысленно.

– Хм, – Сожин на секунду призадумался, – у нас свои правила, други. Берём от природы всё, что даёт... и баб тоже. Тут у мужика их может быть и две и три, если захочет или если прокормит. У нас всё, что мужику надо, есть. Надоть только взамен кое-что дать нашим покровителям... Видишь, мы не молимся Семиликим, – он обвёл взглядом остальных. – У нас свой покровитель. Если хотите ...

– Спасибо, милсдарь Сожин, но мы очень устали, – решил оборвать его Снорре, чтобы поскорее закончить неудобный разговор. – Завтра рано утром мы выезжаем. Еще раз спасибо за добрый прием.

Сожин помялся с ноги на ногу.

– Ну, если что надо, говорите. Коли потолковать всё же

захотите, то стучитесь в мою хату. Нам люди нужны, – он снова испытующе посмотрел на каждого, – Ежели понравилось тута, то всё у вас будет: и хата, и жратва от пуза... Лады... А ежели бабу на ночь надо, Креслав приведет.

Сожин уже было хотел уйти.

– Я не откажусь, – вдруг быстро согласился Драган, – не костлявую, только.

Ратко Гой сначала глянул на Снорре, но тот молчал. Потом почесал в затылке. Потом тоже кивнул. Сожин посмотрел на волхва.

– Спасибо, господин Сожин, но мне надо выспаться, – ответил Снорре.

– Добро. Бывайте, гонцы. Прошу о нашем поселении не говорить в столицах. Не хотим беспокойства мы. Хату утром не запирайте. Коли в сортир пойдёте ночью, вона палка в ведре, постучите спервой по сортиру-то, чтобы змей, если заползли, попугать. А опосля ссыте сколько надо. Удачи!

Он развернулся и растворился в поднимающемся ночном тумане.

– Ладно, – чуть погодя уже в доме сказал Снорре, – завтра в пять встаём. Думаю, ночью нечего бояться. Похоже, они нам поверили. Да и им самим неприятности не нужны. Видят, что мы не простые крестьяне из деревни. Если с нами что-то случится, они понимают, что нас хватятся и будут искать.

– Интересно, как наш Яробуд, – задумался Драган. – Если

они поклоняются Культу, то могут знать ведунницу. Могли отправить кого-то её предупредить на всякий случай.

– Завтра узнаем. Ежели кто вышел, его должен был остановить наш белокурый здоровяк, – ухмыльнулся Ратко. – Я его лабрис в деле видел, он справится... А вот дверь не закрывайте, к нам ещё девы зайдут.

Они разошлись по своим комнатам. Драган – в гостевой угол, Ратко – на чердак, а Снорре остался в гостиной, где ему был положен старый матрац, набитый соломой.

Через десять минут чародей уже начал проваливаться в сон, когда услышал, как легонько скрипнула дверь, и кто-то явно босиком тихо вошел в дом. Снорре привстал, всматриваясь в мерцание свечей в руках у вошедших. Он уже было потянулся за мечом, как увидел, что это были две девицы. Одна – высокая брюнетка, была абсолютно голой. Другая – рыжая с довольно внушительной задницей и грудью, была завернута в полотенце. В свете свечей было видно, что девушки только что вышли из бани – на их спинах все еще не обсохли бусинки воды. Они тихо перешептывались, озираясь по сторонам и привыкая к темному помещению. Потом рыжая приоткрыла дверь в гостевой угол и наклонилась посмотреть, протиснувшись головой в проём между дверью и стеной. Снорре заметил, что под полотенцем девица тоже была не обременена нижним бельём. Из комнаты незамедлительно донесся голос Драгана: «Заходи, курочка, не стесняйся». Вторая встретила глазами со Снорре и он молча

показал ей пальцем на лестницу, ведущую на чердак, где её ожидал Ратко.

Снорре снова попытался заснуть, но, как и следовало ожидать: и с чердака и из соседней комнаты к нему начали проникать звуки любовных утех. Особо усердствовали наверху, так, что ножки кровати начали ритмично поскрёбывать пол прямо над ложем волхва. «Мда, подумать над завтрашним планом действий придётся завтра», – решил он и с помощью нехитрого заклинания притупил себе слух на пару часов. Снорре недолго терзался, согласиться или нет с предложением Сожина. Оно было привлекательным. Чертовски привлекательным! Ведь девушки в деревне были все более чем аппетитные. Многие в трапезной вообще весь вечер стреляли на них глазками украдкой, что заводило ещё больше, но... Игмешская школа проповедовала высокую мораль и нравственность. Только волхв чистый от «похотливых помыслов» и имеющий «умеренный любовный рацион», как гласил Кодекс школы, может усилить свои магические способности и, например, приручить домашнего духа. А это было сейчас важнее. «Ради сиюминутного удовольствия нельзя рисковать тем, к чему я шел все эти годы. Мельничный должен быть моим. Чёрт!» – думал, засыпая, Снорре. Он вспомнил милую девушку, которая им подавала ужин: её широкие бёдра на тонкой талии, покачивающиеся справа налево, пока она шла к ним и обратно. Постепенно её образ начал растворяться, теряясь во сне. Её запах... Кажется запах специй и кост-

ра...или дымок от обжаренного мяса... Как она посмотрела...

Встал он не сам. Сквозь сон почувствовал, как за плечо его легонько кто-то тормошит. Он открыл глаза и увидел улыбающегося Болеславовича. Тот уже успел побрить свой широкий аристократичный подбородок и от этого казался ещё более молодым. Но даже без щетины Драган выглядел более местным, чем все остальные путники. «Наверно из-за темноватого цвета кожи и серых глаз, которыми наделены почти все жители южного Левэра», – подумалось Снорре.

– Господин волхв, нам пора, если мы хотим сегодня до заката успеть в гости к ведунье... Похоже, вы любите поспать, – дружелюбно произнес рыцарь.

– Собираюсь, Драган, собираюсь...

Вскоре они забрали лошадей и быстро зашагали по направлению на восток. Деревня ещё спала. Как только она скрылась из вида, их окликнул Яробуд Ретивый, и все трое двинулись ему навстречу.

– Ну?

– Что было, Яробуд?

Бывший лесоруб повёл плечами. Он выглядел подавленным и не выспавшимся. Покрасневшие веки и мешки под глазами. Приглядевшись, волхв и Ратко заметили кровь на одной штанине и на сапоге. Топор был чист. Почти чист. Все-

таки с рукояти лабриса было тяжело смыть кровь, впитавшуюся в дерево.

– Он выбежал сразу, как только вы вошли в баню, – тихо начал Яробуд. – Быстрый, зараза. Так и попёр трусцой по пригоркам на восток. Он был один. Хорошо я оказался не так далеко.

Он замолчал.

– Дальше, Яробуд, – не выдержал Ратко.

– А. Да. Я понял, что не догоню... Он знал местность и сразу рванул. Но... Я знал его имя. Дунвир. Слыхал, пока сидел в засаде, – он сглотнул. – Деревушка здесь маленькая, вот мне и повезло увидеть, как этот волосатый громила, который вас поначалу встретил, что-то обсуждает с мужиком. Я подкрался. Слышу: даёт ему указания, мол «беги к ней, просто предупреди, что могут быть гости, но могут и не быть». Ну не всю фразу уловил, по чести-то сказать. Отдельные слова. Но я во едино-то всё уложил в головушке. Они его послали на случай, если вы охотники за ведьмами, но этот здоровяк, главарь видать местный, был почти уверен, что нет.

– Как ты его догнал?

– Я не догнал, – сглотнул блондин. – Пробежал за ним чуток, чтобы не слышал крики никто, и уже в спину окликнул потом по имени.

– Лёгкая добыча, – сплюнул Ратко. Там, где он жил в свои ранние годы – Изыхская Стынь – там перед боем был обычай высказывать в лицо все обиды и начинать бой только тогда,

когда противник возьмёт в руки свой меч. Эти традиции были похожи на законы северных гномов. Ратко знал, что было дальше в истории Яробуда.

– Я ему крикнул подойти. Он мне: «Житомир, ты что ли?» Я «Угу» говорю. Ну, он подходит. Во тьме то хер поймешь. Рубанул его поперёк шеи. Голова вместе с плечом – в сторону. Не успел понять, наверно, ничего... Зря я думал, что громко будет кричать...

Он замолк. Снорре увидел, как Яробуд был явно не рад такой лёгкой победе. «Видимо, пока он служил на границе, ему не приходилось много убивать, – подумал Снорре. – Да и вообще, кажется, привычный к убийствам здесь только Ратко».

– Хорошо, Яробуд, – волхв положил ему руку на плечо, – это был лучший для нас исход. Быстро и четко. А теперь надо спешить.

– погоди спешить, – проговорил Ратко. – Куда труп дел?

– Не беспокойся, спихнул в болото, в ближайшую трясину. Он и ушёл под воду к кикиморам, как и не бывало человека... Жуткие места, – будто размышляя сам с собой, пробурчал Яробуд.

Всё утро они шли молча. Каждый думал о чём-то своём. Было видно нарастающее напряжение. К вечеру по их расчетам они должны были набрести на обиталище ведьмы. А что будет дальше... Догадывался только волхв, но он прибегнул инструкции на последний момент. Снорре шёл третьим.

Чуть за ним погружённый в себя, опустив взгляд на землю, шагал на своем вороном коне Яробуд. Вереди них, еле слышно переговариваясь, ехали Драган и Ратко. Солнце уже стояло в зените. Так, почти без осложнений, если не считать моментов, когда чей-нибудь конь попадал копытом в глубокие ямы, затянутые зелёной жижей, прошёл день. Обедать они не стали. Перекусили только уже зачерствевшими пирогами с рыбой. Волхв предупредил, что первая реакция на сильную магию, даже не напрямую направленную на человека, – это тошнота.

– Вряд ли мы застанем её врасплох, – размышлял вслух молодой чародей, – поэтому...

Он улыбнулся:

– Вы точно сегодня искушаете добрую порцию тёмной магии... или ворожбы по-вашему.

– Если её найдем, – буркнул сзади Яробуд.

– Верно, если найдём.

По прогнозам Снорре, скоро должны были начинаться владения ведунницы, и ему уже казалось, что он ощущает некое колебание в воздухе. Некие «аномалии». Его спутники тоже ощущали изменения среды. Чаше стали оборачиваться на звуки, доносящиеся из чащи болот. В некоторых местах дорога стала совсем непроходимой для коней, и им пришлось оставить их на широкой поляне, привязав к деревьям.

– Будем оставлять отметки на стволах, чтобы найти путь обратно, – предложил Драган, и все согласились.

Они прошли ещё около километра, как Яробуд встал как вкопанный. Снорре почти натолкнулся на него, но не это заставило волхва удивиться. Нет.

Снорре давно уже шёл, размышляя, есть ли среди них предатель – тот, кто следует Культу и теперь, в самый последний момент, мог бы открыться и предпринять активные действия. Дело близилось к завершению, и ему надо быть начеку. Волхв обострял чувства и прислушивался к ощущениям остальных путников, попутно уйдя в себя и размышляя над тем, что происходило за эти три дня. «Судя по их реакциям, никто не повёл себя необычно. Не волновался при выборе направления пути к жилищу ведьмы или не пытался ночью прокрасться к жителям той деревни и сдать всех нас, – думал Снорре. – Яробуд убил того горе-посланца, я в этом уверен. Ему не было резона убивать гонца, если бы он хотел, чтобы мы не добрались до ведьмы. Да, было рискованно оставить его сторожить, но... Риск оправдал себя. Теперь можно быть уверенным – Яробуд не предатель... Ратко... Чёрт бы его побрал. Не пойму. От него идёт какая-то сила. И он почти всегда закрыт, непробиваем. Совсем нервов у него нет что-ли? А Драган? Молод. Кажется, честен. Хороший малый. Немного зелен и, конечно, не привык к таким походным условиям, но отлично держится... Да и внутри с реакциями нормально. Почти не волнуется. Надо ...»

– Яробуд, что за...?

Именно теперь Снорре наступил сапогом на пятку Яробуда и с ходу навалился на его широкую спину. Ритм, с которым заколотилось сердце Яробуда, заставил волхва направить взгляд туда же, куда смотрел блондин.

Все встали, всматриваясь вперёд...

К этому их никто не мог подготовить.

Снорре, оставаясь в состоянии близкому к шоку, всё же отметил, что даже сердце Ратко несколько раз стукнуло с необычной для него силой и скоростью.

Впереди, всё ещё частично заслонённая от них мхом и колючими ветками могучего кипариса, возвышалась фигура. Фигура человека находилась в полуметре НАД жижей болота, в полумраке ветвей, но она не левитировала. Тело покоилось на выросшем стволе дерева. У основания земли ствол раздваивался. Пара толстых ветвей входила прямо в стопы человека и пропадала в них. Дерево ВРОСЛО в тело! Где-то там, в глубине живота и грудной клетки жило, ветвилось и потом выбивалось голыми, острыми ветвями из поверхности кожи. Дальше ветки, как ни в чем не бывало, тянулись к солнцу, разветвлялись вновь и прорастали зелёными, радостными листиками. Рост ветвей и их искривления формировали положение тела человека, приподнятого над землёй, как будто распятого природой. Ветви выбивались из боков, рук, шеи. Одно плечо было приподнято, и из него торчал уже бурый толстый отросток основной ветки. Из головы, все ещё покрытой волосами, торчали тонкие веточки с почка-

ми. Из скулы чуть ниже глаза пробивался зелёный отросток. Рот несчастного был полуоткрыт. Можно было бы сказать, что он был открыт в беззвучном крике, но это был не крик, а уже просто безмолвный вечный стон. Но самое страшное. Самым страшным были эти живые, налитые кровью глаза. Они смотрели!!! Перебегали с одного на другого – со Снорре на Яробуда, с Ратко на перекошенное от отвращения лицо Драгана. Из одного глаза потекла кровавая слеза. Снорре слышал тихое и ритмичное биение сердца страдальца. И пальцы! Левая рука была неестественно вывернута и указывала пальцем по направлению на юго-восток. При этом из каждого пальца вырастали по несколько мельчайших, нежных веточек. Будто он показывал путь!

– Что за чертовщина? – сказал тихо Ратко, подходя ближе. Снорре услышал трение клинка о ножны.

– Надо его прикончить. Он ведь живой, – произнес Драган, подходя к человеку-дереву и обнажая клинок.

– Нет, Драган, – Снорре остановил его движением руки, – Мы... Мы не можем сейчас что-либо менять. Всё это. Всё, что вокруг, уже её владения. Я это чувствую. Если что-то изменится, ведьма это почувствует как изменение в некоем её поле, где распространяются Её чары. Она поймёт, что пришли гости. Нам нельзя себя выдать. Мы близко. Оставим его. Двинемся туда, куда он показывает. Возможно, это знак для адептов Культа. И одновременно предупреждение тем, кто забрёл сюда случайно. Вряд ли заблудившийся крестьянин

пошел бы по указанию этого... существа.

– Ты уверен, что нам именно туда? – прищурился Драган.

– Нет... Но других дорог все равно не видно, а тут, смотри, тропинка, вроде бы.

От распластанного на ветвях тела действительно шла еле заметная тропа, петляя между тёмно-зелеными лужами, пряча в кустах папоротника и снова появляясь вдали.

– Как разберёмся с ней, вернёмся тем же путём и закончим его муки, – сказал Снорре, посмотрев на остальных.

Тело чуть дёрнулось. В открытом рту зашевелился сухой язык, похожий на обтрёпанную мочалку, но никакого звука, кроме сиплого стога, не последовало.

Они двинулись дальше в темнеющее чрево болот. Мхи беззвучно колыхались лоскутной пеленой, ласкаемые тёплым вечерним ветерком. В воздухе и вправду висело то, что Речной Народ называл «червоточина миров» – некое полумарево, возникающее то тут, то там. Оно говорило о присутствии сил, необъяснимых, неподвластных простым людям. Сил тёмных...

– Как же он ещё жив? – спросил Яробуд, догоняя Снорре и перешагивая поваленное трухлявое дерево.

– Думаю, его питают соки самого дерева. Ну и магия, конечно. Не уверен, какого типа, но ясно это связано с Культom. А сейчас постойте немного.

Снорре предчувствовал близость встречи с ведунницей. Он остановился дать последние инструкции своим соратникам.

– Это важно, ребята.

Сосредоточенные глаза остальных впились в него. Все были напряжены и возбуждены от ужасающего вида мученика. Всем хотелось побыстрее закончить это ожидание встречи чего-то ужасного, как иногда хочется, наконец, встретиться лицом к лицу со своими страхами, чтобы перебороть их.

– Самое важное. Итак... Ведьма попытается вас убить... НО – не сразу. Сначала ей надо будет ослабить жертву. Ослабить – значит вывести вас из равновесия, напугать так, чтобы вы перестали себя контролировать. Именно тогда, на пике страха, вы уязвимы для её чар. Именно тогда ведьма будет атаковать. Но сперва я вам вот что скажу. Есть у всех ведуниц важная особенность. Они не нападают первыми, ЕСЛИ к ним по своей воле пришли в дом гости. Это – кодекс чести. Мы окажемся на пороге, и она ДОЛЖНА нас принять. Конечно, она всё поймёт. Поймёт сразу, зачем мы здесь и почему, но не нападёт, если мы застанем её дома врасплох. Поэтому первая задача – тихо пробраться в дом. Поняли?

Все замотали головами, а Ярбуд возбуждённо забормotal:

– Какого рожна ты нам раньше это не говорил. Мы...

– Тихо! Далее. Она нас примет. Начнет заговаривать, морочить по-всякому. Выводить из себя. Подозреваю, будет пугать всякими трюками. Это они могут. Помните – её главная задача, расшатать нашу психику – довести нас до такого состояния, чтобы мы потеряли контроль и в панике напали на

неё первыми. И тогда у неё будет повод уже напасть на нас, не нарушая Кодекс Ведьм. Не провоцируйте её. И держите себя в руках. Всё что она будет вытворять, это не вразумительно. Это не должно быть опасно...хм... поначалу во всяком случае.

– Какой у Вас план, господин волхв? – спросил Драган Болеславович.

Снорре призадумался.

– В общем, план прост. Мы входим. Далее начинаем играть в её игру. Стараемся задавать ей правильные вопросы. Если начнется диалог, она не сможет просто молчать. Нам надо узнать как можно больше про Культ, прежде чем мы её убьем. Вы молчите. Я заговорю с ней сам. Главное – без паники и резких движений, которые могут вывести ведьму из себя или дать повод превратить кого-то из нас в лягушку.

Снорре замолчал. Он хотел улыбнуться, но понял, что шутка была, мягко сказать, несвоевременной. Взгляды товарищей были серьезными, и никто даже и не подумал, что в лягушек уже давно никто никого не превращает, что есть более изощрённые способы напустить морок.

– Хорошо. Дальше, – решил продолжить Снорре. – После всех наших вопросов, как только мы поймем, что узнали достаточно, или что старуха совсем несговорчива, я начну начитывать про себя заклинания – свои «мантры» для произведения максимального удара заморозки. Чем дольше я буду оставаться незамеченным в этом, тем сильнее будет эффект, но, я думаю, ведьма довольно быстро почувствует нараста-

ющую силу маны, исходящую от меня, и будет атаковать. В общем, моя задача атаковать первым. Я брошу заклинание заморозки. Как только она остолбенеет, ты – Драган руби её мечом. Секи голову долой и всё. Остальные страхуют.

Снорре замолчал. Вдали ухнул филин.

– Всё понятно?

Драган первый утвердительно закивал:

– Да, господин волхв, разберемся на месте. В целом, понятно.

– Ты уверен во всём этом? – спросил Яробуд, – Или выйдет как с мельничным?

– С мельничным? А откуда ты зна...

Снорре моментально глянул на Ратко. Тот же спокойно ехал в стороне, будто разглядывая что-то вдали. Нахмуренный, делал серьёзный вид, словно вовсе и не слышал разговор. Однако спустя несколько секунд пристального взгляда Снорре он не выдержал и загоготал. Следом и Драган с Яробудом прыснули со смеху.

А Снорре только и оставалось что укоризненно качать головой.

– Извини, волхв, но уж очень ржачная история вышла. Не мог удержаться, – сказал Ратко Гой и снова упрятал голову в тёмный капюшон так, что были видны только торчащие изпод него спутанные волосы.

Напряжённая обстановка немного разрядилась.

– Скажи честно, Снор? – спросил Ратко по-свойски. – Ты

бывал в серьезных передерягах? Приходилось убивать?

Волхв кивнул.

– Два раза... На Ужорском тракте. Защищали обоз от разбойников недалеко от Игмешской школы... Догадались тоже, ограбить кучку чернокнижников с последнего курса...

Снорре добавил:

– Обычно для магии, связанной со льдом, требуется вытягивать из окружающей атмосферы много влаги для формирования снега или льда. Понимаете? В пустыне я был бы крайне слаб. Даже когда мы тренировались в Медовых Зорицах, я был слабее, но здесь, на болотах, влаги в воздухе более чем достаточно. Я уверен, что смогу быстро и мощно колдовать.

Ратко одобряюще кивнул и больше вопросов не задавал.

Зашагали дальше. Вскоре температура воздуха заметно понизилась. Они уже не ощущали удушливой дневной жары, запертой под тёмными кронами кипарисов и сдобренной болотными зловонными испарениями. На смену жаре под вечер пришла освежающая прохлада, чего не было в предыдущие дни. Но складывалось ощущение, что сама прохлада была противоестественной. Как перед сильной грозой чувствовалось высокое содержание озона в воздухе.

– Можно воды? Что-то горло дерёт, – сказал Драган, подъезжая к Снорре.

Неожиданно у всех началась жажда.

Клубы тумана раскатывались на горизонте, окутывая

вросшие в воду корни древних исполинов. Драган глотнул, и взгляд его неожиданно остановился на трёх неясных фигурах. Его лицо окаменело.

Невдалеке от них стояли, почти касаясь плечами, три полупрозрачные, одетые в лохмотья девы с искажёнными, морщинистыми лицами. Их силуэты колебались во мгле леса.

– Трясавицы! Тихо! – скомандовал Снорре. – Не оборачивайтесь резко. Спокойно, Яробуд, убери к чёрту свой лабрис. Не делайте и шагу к ним.

Они встали. Трясавицы тоже не приближались. Растрёпанные пакли белых волос колыхались на лёгком ветерке под стать свисающим с ветвей обрывкам мха. Светлячки их глаз безжизненно подрагивали. И вот... Одна из них вдруг покачнулась. Вторая тоже дёрнула ногой и задрожала. Воздух вокруг лихоманок завибрировал, и путники увидели, как одна из них сделала шаг вперёд.

– Согреееееййй, – послышалось со стороны трёх дев.

...И они пошли...Медленно. Дёргаясь, как будто от холода. Горбясь и снова распрямляясь. Их головы мотались – чуть вправо, чуть назад, чуть влево.

– Снорре, – Яробуд потной ладонью затряс волхва за плечо. – Останови их. Ч-ч-что им нужно?

– Тихо!!! Пойдем вперёд. Не бегом! Не бегом! Это ведьмины ловушки. Они, должно быть, охраняют её территорию. Трясавицы не должны напасть просто так. Обычно они нападают на пьяных или, например, тех, кто рубит лес. Но эти...

Я пока не пойму... – зашептал волхв.

Путники засуетились. Двинулись вперёд. Лихоманки медленно ковыляли следом, протягивая к ним руки и прося остановиться и обогреть. Пройдя несколько шагов, Яробуд обернулся и увидел, как девы были уже в метрах двадцати. Он в ужасе разглядел их измождённые, как в лихорадке лица. У одной из уголка рта сочилась вода и свисала прядь тины. Они шли плотно друг к другу, будто срослись. А может быть они и были сросшимися?

Яробуд Ретивый вынул свой топор и обтёр запотевшие руки о штаны. Побежал. Но как только он ускорился, все три лихоманки завyli и тоже удивительно быстро заковыляли к путникам, сокращая расстояние. Вот они споткнулись о бугор и упали. Это позволило компании чуть оторваться. Теперь уже обернулся Снорре. Он увидел: правее от него бежит Яробуд, а трясавицы сзади быстро поднимаются..., но не на ноги. Чтобы не терять время они уже опирались на свои костлявые руки, испещрённые синими прожилками вен, и бежали на четвереньках. Преследуемые слышали, как девы захлюпали пятернями по лужам болота.

– Не бежать!!! Так они быстро до нас доберутся. Яробуд, спокойно! – заорал Снорре. – Чем быстрее мы идём, тем больше они чувствуют наш страх и сами ускоряются. Не смотри на них! Дай, я пойду сзади тебя.

– Смотрите под ноги! – кричал Драган, шедший впереди. – Если будет топь, я скажу. Вперёд!

Лихоманки срослись в непонятное существо, напоминающее паука. Было слышно, как они пыхтят, стараясь настигнуть людей. Но как только преследуемые ими путники снизили бег, лихоманки тоже притихли. Встали на ноги. Снова разошлись на три трясущиеся от холода девицы. Медленно зашагали следом.

– Согреееей наааасссс. Согрееееййййте!

Они были очень близко. Пять-шесть метров и трясавицы могут дотянуться до затылка волхва. Чернокнижник лихорадочно соображал, чем можно на них воздействовать, ведь заморозить духов вряд ли удастся, как вдруг впереди за стволами деревьев появился просвет.

Алый луч уже садящегося солнца блеснул в расщелинах стволов. Потом снова. И вот они выскочили на поляну. Поляна была погружена в полумрак – частично освещена бардовым светом, который расплавлялся как масло в лужицах болота. Путники повернулись.

Никого.

Только туман стелился порванными облачками по лесу, выкатывался на поляну и ласкал лужицы.

Остановились, переводя дыхание и стараясь успокоиться.

– Вот мы и на месте, – тихо сказал Снорре и указал на виднеющуюся вдали избушку – грубо сколоченный, деревянный дом с покосившейся крышей и почерневшими досками. Рядом с ним небольшая, низкая оградка. Поодаль – строение, похожее на амбар. Еле слышное кудахтанье кур.

– Она не знает, что мы здесь. Это хорошо, что нас не тронули лихоманки и что мы не тронули их. Она бы почувствовала. А теперь осторожно. Не кричать, без лишней болтовни. Всё строго по плану. Пошли, – прошептал Снорре собравшимся вокруг него воинам.

Он чувствовал сердцебиение каждого из них. «Так что же теперь?! Есть среди них тот, кто мог бы быть последователем Культа? – быстро соображал волхв. – Это точно не Яробуд. Здоровяк зарубил гонца из поселения в лесу, а сейчас он явно близок к панике. Лишь бы продержался». Снорре чувствовал учащенный пульс Яробуда и то, как сильно он потеет. Волхв снова и снова прокручивал варианты: «Что с Ратко и Драганом? Гой явно что-то скрывает и ... Что-то в нём есть странное. Что же это? Драган старался помочь и следил за ним все эти дни. Но так ничего и не выведал. При этом в последние дни они держались часто вместе. Почему?» Снорре глянул, как оба воина идут бок о бок и тихо о чём-то беседуют, и старался вспомнить: «Кажется, именно Ратко больше проявлял инициативу. Подходил к Драгану, спрашивал о жизни, как он это называл, «высшего общества». Может, просто хочет найти себе покровителя и перейти на новую службу? Хотя он не похож на жополиза. Что ещё?» Их ритмы сердец были почти схожими. У изыхского воина, правда, он был почти всегда нечеловечески медленным и мощным – будто сердце было больше обычного. Хотя Драган тоже не отличался сбивчивым ритмом. «Значит, храбрец, – ду-

мал Снорре. – Видать, не только вино пил на светских встречах и фуршетах. В любом случае, разбираться будем уже на месте. А теперь надо идти».

Осторожно ступая на землю, они начали пробираться к дому. На луг уже опустился полумрак, но было ещё достаточно светло, чтобы увидеть землю под ногами. Снова зажуужали комары.

– Опять на сладкое летят, – хмыкнул Гой из-под своего капюшона, кивая в сторону Яробуда.

Тот уже снова яростно отмахивался от вампиров, кружащих над его головой и норовивших сесть на белую, мокрую от пота шею. Он сделал ещё пару шагов, явно отвлекшись на вредителей и не смотря себе под ноги. Ещё шаг, и его левый сапог поехал вниз в мутную лужу. На первый взгляд лужа казалась неглубокой, и как только Яробуд Ретивый уткнулся пяткой в дно, его сапог только по щиколотку погрузился в жижу. Белобрысый вояка начал потихоньку вынимать ногу из лужи, но... Вдруг он вскрикнул и упал на колено.

– Тихо!!! – Снорре бросился на Яробуда, закрывая рот ладонью.

Яробуд утробно завыл и задёргал ногой, которую будто что-то увлекало, вниз в жижу, сильными рывками. Опершись о Снорре и о землю, он сам сделал рывок вверх и почти вырвал ногу из мути.

– Что за хрень!!!

Драган и Ратко подбежали к упавшим на землю и увидели, как в сапог Яробуда впилась... РУКА! Она высунулась из ямы, заполненной мутной водой. Теперь было видно, как пальцы руки мёртвой хваткой впились в щиколотку в самом узком её месте и сжимают, сжимают изо всех сил и тянут в топь. Рука была почти вся белая с едва заметными синими прожилками вен. Рука мертвеца! Жёлтые обломанные пальцы всё глубже входили в ткань сапога... почти в плоть, почти до хруста костей.

Драган потянул меч из ножен.

– Нееет! – зашипел Снорре. – Она узнает, что мы здесь. Не руби! Давайте сюда! Драган, Ратко, разжимайте пальцы. Сильнее!

– Мммм... – замычал от боли Яробуд, но сдержал крик. Только зашипел. – Быыыстрее...

Все четверо навалились. Изо всех сил начали разжимать хватку.

– Идёт. Идёт! Тяни ногу, дурень!

Яробуд начал отползать дальше и дёргать ногой, всё ещё заключённой в капкан-руку мертвеца. Снорре чувствовал его панику и понимал, что парень может не выдержать и заорать. Они лишаться эффекта неожиданности и следовательно возможности расспросить ведьму о Культе. Этого нельзя было допустить. Волхв положил руку на макушку Яробуда и быстро проговорил пару простых успокаивающих мантр. Ретивый обмяк.

– Давайте ребятки! – Снорре снова бросился помогать.

Костлявая рука вместе с ногой моталась из стороны в сторону, разбрызгивая зелёную муть болота. Драган не выдержал. Он встал и несколько раз с силой двинул по запястью мыском своего сапога. Пара пальцев мертвеца соскользнули с ноги Яробуда, что дало Снорре и Ратко воспользоваться моментом и, наконец, вырвать ногу. Скрюченная белая кисть на секунду замерла. Затем пука по локоть вышла из ямы и медленно ушла на дно. Лишь только несколько пузырьков болотной жижи и оставленные на земле тёмно-коричневые борозды от сапог вокруг ведьминого «капкана» напоминали о том, что происходило буквально секунды назад.

Все тяжело дышали, сев на землю.

– Спокойно... Спокойно. Уффф, – перевел дух Снорре. – В лужи не ступать.

– Да ладно??? – сделал удивлённый вид Ратко. – А то что?

Они встали. Поправили клинки у себя на ремнях и аккуратно двинулись дальше. На этот раз медленнее и внимательнее.

– Ведьма расставила ловушки. Больше, чтобы задержать и вывести из душевного равновесия непрошенных гостей. Как я вам говорил, главное, не паниковать. Иначе вы будете наиболее уязвимы для чар ведунницы. Яробуд, как ты?

– Хорошо, Снорре, – тяжело дыша, ответил блондин. – Спасибо, что помог. Давайте побыстрее закончим с этим. Мне и вправду...

Его вырвало.

Они подождали пока пройдут спазмы, и пока не выйдет весь завтрак.

Подошли к калитке. В доме, казалось, было тихо. Они не стали отодвигать защёлку, побоявшись, что ворота могут скрипнуть. Перелезли через низенький заборчик и очутились во дворе с неровно скошенной травой. Поодаль – конура без собаки. Пять кур тихо бродили по двору и, кажется, не замечали вторгнувшихся в их владения наглецов. Небольшой цветник с распустившимися ирисами. Две аккуратные грядочки: на одной зеленела петрушка и укроп, на второй наливались тыквы.

– Мило, – прошептал Ратко, оглядывая грядки.

Они завернули за угол дома: туда, где находилось крыльцо с входной дверью.

Перед крыльцом был вбит невысокий колышек с верёвкой. Все четверо замерли. На верёвке за шею был привязан чёрный козёл с крупными изогнутыми рогами. Козёл уставился на них немигающим взглядом.

– А вот это уже не мило, – снова прокомментировал Ратко и тут же замолчал, поймав серьезный взгляд Снорре.

Охотники на ведьму двинулись дальше. Козел же остался на месте, но его взгляд не отрывался от них. Во всей его прямой, неподвижной стойке было что-то жуткое. Он не двигался. Даже хвост, чёрный с белым пятнышком на кончике, просто висел, не шевелясь. И только глаза с прямоугольными,

горизонтально расположенными зрачками следили за каждым движением людей. Когда они медленно начали подниматься по лестнице к двери, голова козла постепенно поворачивалась вслед. Жуткий, похожий на куклу с крутящейся головой, он молчал. И это было главное на данный момент.

Снорре тронул за плечо Ратко и показал рукой, что входит. Остальные тоже перестали смотреть на заворожившего их козла и внутренне собрались. Дверь была не заперта. Снорре выдохнул: «Помогите нам, Семиликие! Смилуйтесь». И вошел.

В ту секунду, когда открывалась дверь, в голове у волхва неожиданно побежали безумнейшие мысли. Они, как сво-ра бешеных собак, словно залаяли громко и резко: «Стоит ли?!?! Эта треклятая ведьма спалит вас дотла! Ты хочешь рискнуть жизнью? Ради чего? Начитался трудов известных чародеев и чернокнижников и думаешь, справишься с веду-ницей? Да половина этих магов была мошенниками и шар-латанами, не умеющими и огня разжечь без спичек. И ты рискуешь ещё этими людьми, ни в чем не повинными жиз-нями, которые на тебя полагаются! Обернись!!! Это не шут-ки! Обернись и беги пока не позд....»

Прошла секунда. Или меньше. Мысли не успели закон-читься. Их перебила реальность происходящего, которая да-вала новые вводные. Реальность, которая менялась вместе с

положением тела в пространстве. Тело не слушало мысли. Оно просто шло к цели. И теперь уже мысли стали заложниками новой ситуации, стали подчиняться той новой реальности, которая открылась при входе в дом... И не было пути назад.

Они очутились сразу в просторной прихожей, из которой был выход в столовую и по совместительству кухню. Запах озона и пряных высушенных трав наполнял помещение. Вокруг было достаточно темно, так что их глаза не сразу привыкли к полумраку жилища, несмотря на несколько свечей, уже подготовленных на ночь и теплящихся на столе и на печке с широким горнилом.

Тихо ступая, они вышли сразу в столовую и увидели Её. Она стояла спиной к ним – высокая, очень высокая, метра под два, но всё же сгорбленная женщина со смолисто-чёрными, растрёпанными волосами – и тянулась за банкой с какой-то приправой на верхней полке, которая была прибита почти под потолком.

Скрипнула захлопнувшаяся дверь, и женщина обернулась. Лёгкий, едва заметный, почти неуловимый, – но только не для волхва – испуг и удивление скользнули в её глазах. И тут же она стала уменьшаться. Уменьшалась. Уменьшалась. Горбилась. Её черты лица, ранее принадлежавшие женщине лет пятидесяти, теперь морщинились до сухого лица старухи. В волосах проступила седина. Волос, два, прядь. Мутация происходила в тот момент, когда ведьма развора-

чивалась к гостям – быстро, словно тление бумаги на огне. Вот она полностью развернулась, уменьшившись в два раза и представ перед ними уже в виде сторбленной карги в оборванном, грязном сарафане: «Б-б-баааатюшки мои. А гостей-то мы и не ждаали. Не ж-ж-ждаали». Старуха явно заикалась. Голос был сиплый, певучий и... древний.

Она прищурилась и с глухим стуком поставила на стол снятую с полки банку, набитую травами. Снорре чувствовал колоссальное напряжение в комнате – напряжение, которое исходило как от самой ведунницы, так и от его товарищей, особенно от Яробуда. Между ними и старухой был накрыт большой дубовый стол. «Это хорошо. Защитит», – подумал Снорре. На столе были разложены пара кружек: одна с молоком, другая пустая, глиняный кувшин тоже с молоком, крынка варенья и миска с творогом – ужин старухи. Чуть поодаль на углу стола – блюдо с налитым для кошки молоком. Бокowym зрением волхв удостоверился, что все встали, как договаривались: слева от Снорре был Драган, левее от Драгана, напротив большого окна, обтянутого бычьим пузырьём, – Ратко. Справа от Снорре встал Яробуд. Поехали...

– Здравствуй, хозяйка, – проговорил Снорре. – Заплутали мы немного в лесу. Дорогу бы у тебя узнать. Да, наперво, познакомимся. Я – Снорре. А тебя бабушка как звать и одна ли живешь здесь?

Ведьмино лицо исказила гримаса, как будто она внутренне боролась с чем-то. «Она ответит... Таков закон гостепри-

имства. Она ответит. Просто должна ответить. Надо разговаривать её. Рано атаковать», – твердил Снорре про себя.

– К-к-к-квельма, – через силу просипела она. – Не одна я. Внучк-к-ка со мной.

Она криво, не по-доброму улыбнулась и показала рукой в проём, ведущий в другую комнату. В комнате тоже горели свечи, и была видна скамья-кровать, застеленная тряпьем. На скамье, скукожась, лежало что-то...или кто-то. Было сложно разглядеть, но было видно, что-то находилось на скамье под пледом, оно было повёрнуто лицом к стенке и немного подрагивало, как будто от холода.

Снорре отметил существо в другой комнате как перспективно опасное и снова переключил внимание на старуху.

– Что же ты тут делаешь, бабушка, так далеко от жизни людской?

– Живу т-т-тут, милоч. Не н-н-ужна мне жизнь на селе. Тут у меня дело с-с-сс-своё.

– Какое дело?

– Не н-н-надобно знать тебе, инач-ч-че не воротитесь, – сказала она, снова ухмыльнувшись.

– А ты не беспокойся. Мы рассказы любим. А от гостей негоже тайны скрывать.

Было видно, как она напрягается, борется с собой, но сильные и древние традиции «ведьминого гостеприимства» оказались сильнее.

– Тогда присядь, м-м-милаай. Но помни....– она сглот-

нула, встала попрямее и проговорила пугающе холодным и спокойным голосом без запинки, делая большие паузы после каждого слова. – Ты сам попросил.

Снорре присел. Остальные не шевелились. Снорре ощущал холодную напряженность Ратко, улавливал какое-то сомнение и неуверенность Драгана и страх Яробуда, его волхв чувствовал сильнее всего и он знал, что тот же страх уловила ведьма. Она стреляла глазами на каждого из них, мимоходом, почти незаметно... Она искала слабое место. Слабого воина, с которого можно начать. Волхв знал, что она уже убедилась, что каждого... КАЖДОГО из них надо убить.

– Все з-з-нают Семиликих. Полмира поклоняется им. Все, кроме северных гномьих отступников, с-с-степняков, да и детей пустынь, – заговорила ведьма. – В начале времён была тьма. Из неё вышли семь богов. Семь б-богов создали всё живое вокруг. Они создали океаны, леса и зверей. Они создали человека, эльфа, гнома и других и подчинили их себе, чтобы все жили как одно целое в г-г-гармонии с миром вокруг... Шли века. Боги полюбили свои создания. Особенно тех, что ходили на двух ногах. Они полюбили песни эльфов, выдумки гномов, любовные утехы людей и игры орков. Пятеро богов захотели дать живым существам с-с-свободу, чтобы те без границ развивали свои таланты. Д-д-дуурни. Другие два – Гаár и Шахнаэ – знали, что это ош-ш-шибка. Позже люди прозвали их Мракобесами и почти перестали им поклоняться. Мы же зовём их Творцами, творцами истинного

блага на земле.

В глазах ведунницы появились едва уловимые огоньки злобы, и волхв сразу почувствовал, как она добирается до него, как она прощупывает его слабые места, старается влезть в голову. Он попытался не выдать себя. Не выдать свои колдовские способности. Дал ей немного воли – столько, сколько нужно – и постарался не сопротивляться её гипнозу. «Ещё рано, – думал он. – Надо дать ей договорить. Пока она не опасна. Пока она только ищет с чего начать». И, действительно, вскоре он почувствовал, как ведьмино внутреннее внимание отступает, но взгляд её влажных, светлых глаз оставался на нём. Она продолжила рассказ.

– Люди и гномы взяли свободу и принялись изламывать этот мир по своему образцу: дроб-б-бить скалы, осушать реки, вырубать леса. И только эльфы да орки пожелали сох-х-хранить этот мир первозданным. Началась «Война Первых»: пять богов сразились с Гааром и Шагнаэ на девяти облаках, с-с-семи горах, в пяти лесах, на т-трёх полях и в одной пустыне. В пустыне старший из богов – Нотук – сломал хребет Г-г-г-аару, который хотел снова подчинить людей воле богов и за всю Войну Первых погубил столько людей и гномов, что был наречён богом войны. Гаар был низвергнут в морские пучины и теперь покоится во льдах Северной В-в-воды. После этого Шагнаэ спряталась от преследовавших её богов, – ведьма явно уже говорила через силу, но ничего не могла поделать. Надо было завершить рассказ. – Хитрая

Шахнаэ успела схоронить у себя часть того, с помощью чего боги правили людьми много веков назад. Пятеро верховных богов не з-з-знали об этом. Когда они, наконец, нашли её в самой глубокой пещере самых дремучих гор, боги не смогли окончательно убить Шахнаэ. И всё из-за сильнейшего заклинания, которое она наложила на себя. Каждый раз, когда боги убивали Шахнаэ, на земле наступала несконч-ч-чаемая ночь. Ха-ха-ха! Шахнаэ была умна! Боги вновь и вновь воскрешали Шахнаэ, чтобы посмотреть на мир при свете дня. Они не могли смириться с тем, что их любимый мир покроет вечный мрак. И тогда они сковали Шахнаэ и бросили на дно Великого озера Тáйдушо. Богам приходилось поддерживать к-крупницу жизни в Шахнаэ, чтобы за ночью всегда приходил день. Но теперь...

Ведуница замолчала.

– И что теперь? – спросил Снорре.

На секунды воцарилась тишина.

– Вам не остановить великое возрождение, ВО-ООООЛХВ! – повысила сиплый голос Квельма, кривляясь. Она сделала удивлённое лицо, передразнивая Снорре. – И ч-ч-что теперь?! Думал, я не знаю, кто ТЫЫЫ?

Предметы в комнате завибрировали. Некоторые начали подниматься вверх, плавно переворачиваясь в воздухе, будто ил со дна реки, потревоженный проплывшим мимо налимом. Волхв встал. Он чувствовал колебание магии. Тёплые волны мягко обдавали лицо. «Она сильна, – подумал Снор-

ре. – Пора». Он начал поспешно начитывать про себя заклинание для мощного броска заморозкой. Краем глаза он заметил, как Яробуд вытирает кровь, текущую из носа. Глаза его слезились, но он четко исполнял указание Снорре, держаться до последнего, хотя волхв уже давно почувствовал, что тот почти полностью потерял контроль, поддавшись страху. Что сейчас творилось у него в голове? Тело Яробуда подрагивало. А что слева? – Ратко и Драган стояли как вкопанные. «Ещё немного времени...Ещё есть немного...», – думал чародей.

– Квельма, – открыто заговорил Снорре. – Скажи, кому ты помогаешь? В чём твоя служба?

Дом начало потрясывать. Вдруг все заметили, как свет в окнах померк окончательно, а потом за окнами всё стало наполняться красно-зелёной жижей, будто дом погружался в кровавое болото. В некоторых местах жижа струйками сочилась из щелей, затекая в дом, стекая по стенам и окнам, в других мелкими фонтанами била прямо в дом, на пол, на стол, на людей.

Ведьма стояла молча и улыбалась.

Снорре быстро развернулся к товарищам и коротко бросил фразу.

– Спокойно! Это иллюзия. Стоим! – и вдруг закричал, – **КОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ, Квельма?**

Неожиданно всё прекратилось. Законы притяжения вновь обрели земную реальность, а подвисшая в воздухе посуда со

звяканьем упала на поверхность стола. Ведуница медленно наклонилась вперёд, опираясь руками о стол.

– Я в-в-вижу ты знаешь наш Закон. Я скажу т-т-тебе, но за это я сож-ж-жру твою кожу с луч-ч-чком.

Она перегнулась через стол так, что почти касалась дубовой поверхности еле спрятанными в драный сарафан морщинистыми грудями. Послышался хруст, и, разрывая сарафан, из горба старухи вырвались ещё две сухие, но жилистые и удивительно длинные руки. Они медленно выросли, покачиваясь над её головой, вздрогнули, как будто просыпаясь, а потом со стуком опустились вниз на стол. Миски и стаканы звякнули, чуть подпрыгнув. Железные когти рук впились в доски, оставив там глубокие борозды.

Старуха медленно поднимала голову, чтобы взглянуть на них исподлобья взглядом, в котором была замешана свирепость и угроза.

– Мы служим ради возрождения власти Творцов. Мы вернём этому миру Великий Первоисток. Мы под-д-д-арим всем Благодать Творцов – Великий Лад и Вечное Смирение, – плюясь слюной, проговорила ведьма.

– Кто – мы? – произнёс Снорре. Он уже перестал прошупывать состояние друзей, потому что не мог одновременно начитывать мантры стужи и зондировать своих воинов. Он был спокоен за Ратко – тот оставался удивительно холоден к выкрутасам ведуницы. От Драгана исходила тревога, но волхв убедил себя, что рыцарь из дружины самого Верхов-

ного Титула справится с паникой и сделает своё дело. А вот Яробуд... Квельма явно добралась до него. Подмышками и на спине у лесоруба растекались большие пятна пота. Сколько он ещё продержится, было неизвестно, но блондин поддался страху и был уже в тисках магии ведунницы. Она ломала его. «Продержись ещё чуть-чуть! Я знаю, ты сможешь!» – подумал Снорре перед тем как отключиться от него и сконцентрироваться на атаке на ведьму... И это был риск, который он принял.

– Снорр....мне что-то больно...Сно...Я хочу уйти, – тихо-тихо едва смог выдать из себя Яробуд.

Волхв увидел, как его тело всё в напряжении неестественно выпрямилось.

– Минуту, потерпи минуту, – шепнул ему Снорре и вдруг заорал, – Кому ты служишь!!! Имя!!! Скажи ИМЯЯЯ!!

Всё вдруг смолкло. Яробуда отпустило. Он обмяк. И тут все услышали голос. Он исходил из ведьмы, но как будто не из горла, а из груди. Нет, это были два голоса – голос Квельмы и ещё один – низкий, нечеловеческий, грубый голос, от которого у всех забегали мурашки по коже. Механический, монотонный звук. Обрывистый звук, разрывающий слова пополам.

– Мы – ведь-мы то-пей Са-вош и дру-гие....Ско-ро весь МИР! Все Пять Ко-ро-левств! Слу-жим....

– ИМЯЯ!

– Втор-р-рое воплощение Шахнаэ – ГАРУЦА!

Воздух вокруг разрядился. Ведьма, казалось, что расслабилась, как будто скинув с себя напряжение всего разговора, и сделала шаг в сторону Яробуда: он был первым на её пути. В тишине отчётливо раздался звук шаркающих ног, всё быстрее и быстрее. И хотя она почти не приближалась, оглушительный звук шаркающих ног, всё ускоряясь, звучал в ушах людей.

– Спокойно, Яробуд! Она не тронет первой! Она провоцирует!!! – закричал уже Ратко.

Неожиданно четырёхрукая ведьма пропала... и возникла близко-близко перед Яробудом, но уже в облике высоченной женщины со смолисто-чёрными волосами и огненно-рыжими глазами. Она в упор сверху вниз смотрела на Яробуда и друг издала гортанный вопль. Её голова провалилась сквозь вырез сарафана куда-то внутрь, вглубь тела.

– Где найти Гаруцу? – попытался заорать Снорре, стараясь не обращать внимание на ужасающие фокусы ведьмы, но почувствовал, как ком встал в горле.

– Нигде – нигде – нигде – н-н-игдЕЕЕЕЕ! ОНА САМА НАЙДЁТ ТЕБЯ, проклятый волхв!!! – звук доносился сначала из груди огромной безголовой женщины, потом из живота. Вдруг снизу, из-под подола юбки начали вылезать её смоляные волосы. Медленно начала появляться голова – в перевёрнутом положении – морщинистый лоб, рыжие глаза, которые смотрели пристально на Яробуда.

– Ч-ч-что? Больн-н-но, сынок? – произнесла ведьма почти

с жалостью, и Снорре заметил, как на груди у Яробуда расплывается тёмно-бардовое пятно крови.

Ужасная фигура женщины сделала несколько шагов назад и снова зашла за стол, который стал некой преградой между ними. Раздался глухой стук, и голова Квельмы выпала из подола и покатилась по полу к ногам Яробуда. Времени ждать уже не было, старуха явно не собиралась продолжать разговор.

Всё оставшееся произошло в течение нескольких секунд. Яробуд, не выдержал ужаса и боли, выхватил свой лабрис из-за спины и замахнулся, чтобы размозжить голову ведунницы. Любое касание оружия – это всё что ей было нужно. Гость нарушил ведьмины законы гостеприимства, а значит, ведьма больше ничем не была связана. В момент тело Яробуда Ретивого взмыло на полметра в воздух и застыло там, неестественно выгнувшись назад. По штанине начало быстро расплываться пятно мочи. Голова запрокинулась, и всех оглушил душераздирающий крик боли вместе с хрустом ломающихся по всему телу костей. Снорре тоже заорал.

– Фригус дан аееен! ВОЛНА СТУЖИИИ!

Волхв высвободил накопленный удар заморозки, вскинув вперёд обе руки. Секущим движением слева-направо: тёмно-синяя волна, от которой во все стороны полетели осколки льда, ударила в стол недалеко от ведьмы. Все фарфоровые кружечки, миска с творогом, маленькая ваза с какими-то травами полетели вниз. Часть из них сразу покрылась ине-

ем и разбилась от удара на мелкие льдинки. Снорре вдруг на секунду пришла очень странная мысль – ему стало жалко всего этого домашнего уюта, который создала женщина, её быт, аккуратно расставленные кружечки, миска с молоком для кота, бережно заготовленное ещё с прошлого года варенье. А теперь пришли они. Волхв в замершем на миг пространстве увидел, как он разрушает чужой дом. И это было только начало!

Волна льда пошла дальше. Замороженный, весь в сосульках стол отбросило в сторону, и магический столб стужи ударил, наконец, в безголовое высоченное тело женщины. Она так и замерла с протянутыми вперёд руками, вся обледенелая. Тело Яробуда тут же расслабилось и с глухим стуком грохнулось о пол. Вся его рубашка наполнилась кровью, суставы были переломаны так, что в некоторых местах из кожи торчали кости. Он был мёртв.

В тот момент, когда Снорре только вскинул руки для заклинания, слева от него кое-что произошло. Снорре не видел, как за его спиной один из воинов выхватил меч и рубящим ударом... нацелил его в горло волхву. Меч прошёл только половину пути, и это Снорре всё ещё не видел. Но он услышал, как клинок Драгана вдруг столкнулся с одним из клинков Ратко. Когда ведуница остолбенела, скованная льдом, Снорре быстро развернулся, одновременно выхватывая свой меч. Он увидел двух сцепившихся друг с другом воинов. Свободной рукой каждый держал ту руку против-

ника, в которой был меч, не давая нанести удар. Кряхтя и плюясь, Ратко саданул каблуком сапога по ноге Драгана. Тот взвыл. Ратко ударил головой по носу противника. Из разбитого носа брызнула кровь, но Драган не потерял концентрацию. Он продолжал удерживать руку с мечом Ратко. Тогда Гой со всей силой потянул на себя тело Драгана, и тот уже не устоял. Вояка с Изыхской Стыни знал этот приём на отлично. Он крутанул потерявшего равновесие Болеславовича на 360 градусов и, завершив круг, отпустил, со всей дури кинув его в окно. Тело Драгана вывалилось из избы в темнеющий двор. В эту секунду Ратко успел вынуть из нагрудного кармана маленький метательный дротик и кинуть его вдогонку в проём окна.

Снорре не видел, достал ли Драгана дротик, но услышал доносящиеся со двора кряхтение и стон. В наступившей тишине Ратко повернулся к волхву, блеснув кольцом в ухе.

– Я эту суку давненько расколол. Удивлялся, хер ли ты всё с ним не кончаешь.

Он глянул за спину Снорре.

– Ну, а уж с этой тварью ты сам разбирайся.

Ратко накинул на голову свой неизменный капюшон, вынул второй копис, крутанул его в руке и ловко по-кошачьи выпрыгнул в окно.

Волхв обернулся. В комнате ничего не изменилось. Перед

ним всё так же с вытянутыми перед собой руками, в тщетной попытке защититься, стояла обледенелая ведьма без головы. Снорре осмотрелся. Самой головы нигде не было. Труп Яробуда неподвижно лежал рядом с телом ведунницы. Он заметил, как в вечерней летней духоте наколдованная стужа потихоньку начала спадать, и под ногами у замороженной Квельмы уже образовалась лужа. Тогда он сделал два шага и со всей силы двинул ногой ведьме в живот. Окоченевшее тело ещё в полёте разбилось надвое, а потом, ударившись о пол, и вовсе разлетелось на мелкие куски, обнажая выбившиеся из льда куски материи.

И тут он услышал смешок. Тихий, сдавленный. Смех исходил из тёмного и широкого горнила печи. На время изба снова обрела тишину. Снорре пристально всматривался в тьму печи. Он чувствовал пульсацию силы, исходящую оттуда. «Твою ж мать...» – тихо сказал он, увидев, как в печи начали появляться две небольшие щёлки открывающихся глаз. Медленно, ужасно медленно эти щёлки росли, наливались огненной желтизной, пока не образовали два огромных как блюдца жёлтых глаза с вытянутыми кошачьими зрачками. В печи что-то зашуршало, будто несколько мышей забежали внутри, но это были не мыши. Это были пальцы. Пальцы появились сразу с четырех сторон – две пятерни сверху горнила, две снизу. Четыре руки вылезли до локтей. Ухватившиеся за края печи руки потянули из тьмы то, чем стала ведьма.

– Т-т-ты разбудил мою внуч-ч-кууу, – зашипело нечеловеческое создание.

Снорре не успел опомниться, как из противоположной комнаты на него бросилось нечто. Маленького роста, когтистая, лохматая тварь с такими же огромными оранжевыми глазами, как у ведьмы. Она как обезьяна прыгнула на волхва и попыталась защёлкнуть у него на шее свою на удивление широкую пасть, оснащенную рядом острых зубов, но Снорре вовремя отскочил и махнул мечом, норовя разрубить существо. Он промахнулся. То, что было внучкой, покатилося по полу и тут же встало на четыре ноги, поползло по столу, а потом и по стене, как будто не замечая законы притяжения. Снорре держал меч на вытянутой руке. Тварь прыгнула на него, похоже, не особо заботясь о себе. Она лапами взялась за выставленное вперёд лезвие и потянула вперёд и вбок. Кровь не брызнула, но потекла ручьём по лезвию на рукав Снорре. От неожиданности колдун не удержал клинок, ведьмино отродье вырвало его из рук и повалило волхва на пол, клацая зубами прямо перед носом.

Снорре успел выставить правую руку, удерживая тварь за шею на расстоянии. Теперь он видел перед собой только её огромные зубы, чувствовал зловонное дыхание и брызги слюны на лице. Внучка работала когтями обеих лап, как мельница, молотя по груди и плечам волхва и стараясь разорвать кожаный нагрудник. Нагрудник выдержал, а вот плечи попали под рассекающие воздух и плоть когти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.